

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

«ПОТЕРЯННАЯ КОЛОНИЯ» РОАНОК • ПАРАДОКСЫ АФРИКАНСКОЙ

РАБОТОТРГОВЛИ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КУКА

• СЕСИЛ РОДС: СЕКРЕТЫ «АЛМАЗНОГО КОРОЛЯ»

• ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ: «ЖИЗНЬ, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ»

Наталья Юрьевна Беспалова

Британская империя

Серия «Загадки истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9810606

*Загадки истории. Британская империя / Н. Ю. Беспалова; худож.-
оформитель О. Н. Иванова. : Фолио; Харьков; 2015
ISBN 978-966-03-5147-9, 978-966-03-6982-5*

Аннотация

Британская империя была самой могущественной из всех империй, когда-либо существовавших на Земле. И, конечно же, в ее истории немало тайн и загадок. Как случилось, что государство, в свое время благосклонно смотревшее на работорговлю, в конце концов возглавило борьбу с этой самой работорговлей? Возможно, не только борьба за демократию и свободу, а и экономические интересы «владычицы морей» вызвали такую смену приоритетов? Вот и борьба с эксплуатацией чернокожего населения бурами, провозглашенная Великобританией, помогла ей захватить новые колонии в Африке. А благодарить англичанам за это надо Сесила Родса – «алмазного короля». И кем был знаменитый Лоуренс Аравийский, так много сделавший для освобождения арабов от ига Османской империи, а заодно и утвердивший господство Британской империи на Ближнем Востоке?

Содержание

Вступление	4
1. «Потерянная колония» Роанок	9
Вызов Испании	9
Правдивая история первой колонии Виргиния	15
Лирическое отступление о сэре Уолтере Рэли	35
Мифы Северной Каролины	48
2. Парадоксы английской работорговли	65
По ту сторону песчаного моря	65
«Черная слоновая кость»	74
Джон Хокинс и другие	79
Виргиния Вторая	95
Белые рабы Нового Света	102
Колониальные рынки	113
О суданских работорговцах, махдистах и европейских колонизаторах	123
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Наталья Беспалова

Загадки истории.

Британская империя

*Стоит Богатой Морячки дом
У Северных ворот.
Она рождает на свет бродяг
И в земли заморские шлет.
Одни утонут у берегов,
Другие – от суши вдали;
Мать услышит и снова шлет сыновей
Во все концы земли.*

Редьярд Киплинг

Вступление

Британская империя включает в себя собственно Великобританию и все ее многочисленные колониальные владения. Это самое обширное государство из всех, когда-либо существовавших на нашей планете. В период своего наибольшего расширения Британская империя занимала одну четвертую часть земной суши. В официальное употребление это понятие вошло лишь в последней трети XIX века, но само явление сформировалось гораздо раньше.

Определить точные временные рамки существования Британской империи довольно сложно. Вероятно, ее истоки следует искать в блестящем царствовании «королевы-девственницы» Елизаветы I (1558–1603). Именно тогда Англия обзавелась превосходным военно-морским флотом и начала превращаться во владычицу морей. Чарльз Ховард, победитель «Непобедимой армады»; Френсис Дрэйк, обогнувший американский континент и объявивший западное побережье Северной Америки английскими владениями; Уолтер Рэли, поэт, политик, флотоводец и путешественник – эти люди, известные в истории как «морские волки Елизаветы», заложили фундамент будущего циклопического государства. Но если все же попытаться найти определенную точку отсчета в истории империи, таковой можно считать основание по инициативе сэра Уолтера Рэли колонии на острове Роанок – первого английского поселения в Америке. Это предприятие едва ли можно считать особенно успешным, судьба обитателей «потерянной колонии» и ныне считается одной из самых интригующих загадок американской истории. Но оно положило начало грандиозной экспансии англосаксов в заокеанские земли.

Рука об руку с колонизацией шло развитие плантационного хозяйства и, никуда не денешься, работорговли. На протяжении более чем двух веков и то и другое было важнейшим фактором британской экономики. Однако именно Англия была той страной, которая первая выступила с инициа-

тивной международной запрета на работорговлю.

Британской короне были подвластны земли на всех четырех обитаемых континентах и многочисленные острова во всех океанах. И все это благодаря отважным путешественникам-мореходам и землепроходцам. Наверное, одним из самых известных английских мореплавателей является капитан Джеймс Кук, совершивший в период с 1767-го по 1779 год три кругосветных путешествия для исследования Мирового океана. Большинство из составленных им карт по своей точности и аккуратности оставались непревзойденными на протяжении многих десятилетий и служили мореплавателям вплоть до второй половины XIX века. Во время плаваний капитан и его спутники пережили немало захватывающих приключений, а обстоятельства гибели Кука на Гавайских островах обросли со временем множеством мифов. Самая распространенная версия, что капитан был съеден дикими аборигенами. Но так ли это на самом деле?

Заокеанские владения открывали огромный простор честолюбию молодых англичан. Те, кому не светило ничего заманчивого на родине, могли попытать счастья в колониях. Недаром в финале романа «Дэвид Коперфильд» Диккенс отправляет всех несчастных и обиженных героев книги в Австралию, где они благополучно устраиваются и со временем становятся уважаемыми членами общества. Конечно, далеко не всем, кто отплывал за океан, сопутствовала удача. Но порой случались действительно ошеломляющие взлеты. Так,

Сесил Родс, пятый сын приходского священника, стал в конце концов некоронованным королем Южной Африки. О том, каким образом он разбогател и достиг таких высот могущества, ходило множество самых фантастических слухов, которые охотно тиражировала пресса всех стран. Большинство из них были чистым вымыслом, но действительность ничуть не скучнее вымысла. Марк Твен писал об этой яркой и неоднозначной личности: «На его месте десятка полтора великих мира сего рухнуло бы со своих пьедесталов, а он и по сей день стоит на головокружительной высоте, под самым куполом неба, оставаясь чудом своего времени, загадкой нынешнего века, архангелом с крыльями – для одной половины мира и дьяволом с рогами – для другой».

Народы, подвластные британской короне, принадлежали к совершенно разным культурам, имели чрезвычайно причудливые, с точки зрения европейца, нравы и обычаи и представляли все известные историкам ступени развития общества. Для управления этим пестрым сообществом представители метрополии широко использовали уже существующие туземные структуры. И так сложилось, что британские колониальные офицеры нередко органично совмещали работу ученого-этнографа, историка или археолога с ремеслом политического разведчика и агента влияния. Реальные биографии этих людей обычно превосходят по увлекательности любой приключенческий роман. Такой была и жизнь полковника Томаса Эдварда Лоуренса, известного под романти-

ческим именем Лоуренс Аравийский и ставшего одним из организаторов Великого арабского восстания 1916–1917 годов, направленного против турков.

Закат Британской империи наступил после Второй мировой войны. В наше время предпочитают говорить о Британском Содружестве наций. Но интерес к имперскому периоду в истории Великобритании не ослабевает. Хотя бы отчасти удовлетворить этот интерес и призвана эта книга.

1. «Потерянная колония» Роанок

Британские острова, долгое время бывшие на краю света, у оконечности Европы, сделались после Великих открытий отправной точкой плаваний к новым мирам.

Фернан Бродель

Вызов Испании

Как всем, без сомнения, известно, Христофор Колумб, вознамерившись достичь стран Востока, плывя на Запад, побывал при многих дворах, убеждая монархов снарядить экспедицию, но встретил понимание лишь у королевы Изабеллы Кастильской. По этой причине испанцы стали пионерами освоения Нового Света. Они уже подчинили себе немалые территории по ту сторону Атлантического океана, когда на богатства новооткрытых земель начали всерьез зариться и другие европейские государства. Англия, которой предстояло стать самым крупным колониальным хищником в истории, вступила в эту схватку довольно поздно.

Правда, Джованни Кабото, генуэзец на английской службе, более известный под именем Джон Кабот, достиг побережья Канады всего через пять лет после того, как Колумб высадился на островах Карибского моря. Кабот даже объ-

явил открытую им Терранову владением английского короля, но далеко идущих последствий это событие не имело. Основоположник династии Тюдоров Генрих VII подарок по достоинству не оценил. Как ни парадоксально, островная Англия не имела в ту пору достаточно мощного военно-морского флота, чтобы всерьез думать о колониальной экспансии. Рыболовецкий флот, правда, был, и открытие Каботом Большой Ньюфаундлендской банки, где в неслыханном изобилии водится сельдь и треска, пришлось ко двору, а о прочих его открытиях как-то подзабыли. Даже сейчас о них больше известно из испанских источников, чем из английских.

Достаточно мощным флотом, чтобы бросать вызов властителям морей – Испании и Португалии, – Англия обзавелась в царствование внучки Генриха VII, королевы Елизаветы I. Не то чтобы ее дед вовсе не заботился о состоянии флота. Напротив, при нем активно строились и закупались торговые суда, но в правление Елизаветы была завершена начатая при ее отце, Генрихе VIII, работа над созданием первоклассного боевого корабля XVI века – английского галеона.

Вопрос упирался не только в техническую возможность той или иной европейской державы составить конкуренцию Испании на океанских просторах, проблема имела и чисто юридический аспект. В свое время, а именно в 1494 году, Испания и Португалия лихо поделили между собой все неоткрытые земли, проведя прямую линию с севера на юг через Атлантику, в ста лигах западнее островов Зеленого Мыса.

Португалия, уже успешно колонизировавшая западное побережье Африки и открывшая для себя путь в Индийский океан, забирала себе все, что будет обнаружено к востоку от этой линии, Испания, проложившая себе путь в Новый Свет, претендовала на западные острова и континенты. Вопрос о шарообразности Земли тогда еще был дискуссионным, и провести вторую пограничную линию, дабы окончательно разделить мир на Испанское и Португальское полушарие, сразу не озаботились. Этот вопрос поставили лишь после путешествия Магеллана.

Римский Папа Юлий II освятил этот договор своим авторитетом в 1506-м, и прочие монархи это проглотили, занятые решением сиюминутных проблем. Но ближе к середине XVI века монополия двух пиренейских государств стала вызывать ропот. Первым возмутился король Франции Франциск I. Он поставил под сомнения подлинность подписанного Папой документа. Англия пошла более радикальным путем, отвергнув авторитет Папы вообще и создав независимую от Рима англиканскую церковь. Это произошло при Генрихе VIII, который умер в 1547 году. Затем трон шесть лет занимал малолетний Эдуард VI, умерший в шестнадцатилетнем возрасте. В 1547–1553 годах страна оставалась англиканской. В царствование старшей дочери Генриха VIII Марии случилось кратковременное, но памятное возвращение в лоно католицизма. Королева-католичка вразумляла заблудших столь энергично, что вошла в историю под именем

Марии Кровавой. Елизавета, придя к власти в 1558 году, восстановила англиканскую церковь. Разумеется, Реформация затевалась не для того, чтобы оспорить пресловутый договор. Для такого шага было множество причин. Но возможность наплевать на испанскую монополию была очень приятным побочным эффектом, как сейчас говорят, дополнительным бонусом.

Важным шагом к превращению Англии во владычицу морей, предпринятом еще до восшествия на трон Елизаветы, было учреждение в 1551 году (при Эдуарде VI) Московской компании. Одним из ее учредителей был сын Джона Кабота Себастьян. Впрочем, изначально она не называлась Московской. Ее основатели намеревались найти северо-восточный проход в Китай и таким образом разрушить торговую монополию Испании и Португалии. Обогнув Скандинавию, англичане смогли достичь Белого моря и войти в устье Северной Двины, где они были встречены монахами Николо-Карельского монастыря. Капитан Ричард Ченслор отправился в Москву, получил аудиенцию у царя Ивана Грозного и передал ему послание Эдуарда VI. Так был открыт еще один возможный путь движения товаров между Россией и Западной Европой. Царь в ответном письме разрешил торговать в России английским купцам, а в 1555 году выдал компании льготную грамоту. Это было уже в царствование Марии Кровавой.

Попытка идти дальше по северным морям и достичь та-

ким образом Китая ни к чему не привела. Корабли компании не смогли проникнуть восточнее Обской губы. Сотрудничая с русскими царями, английские купцы осваивали новые для европейцев континентальные торговые пути в Персию и Бухару. Это приносило определенные дивиденды, но не делало Америку менее привлекательной для англичан.

Приобщение к выгодам колонизации Нового Света началось с малого. Поначалу англичане всего-то и хотели, что торговать с заокеанскими колониями на своих кораблях. Но король Испании им этого не позволял, желая держать всю трансокеанскую торговлю в своих руках. Предприимчивые английские мореходы обиделись, но не растерялись. Они перешли на положение контрабандистов, а там и до пиратства было рукой подать. Англичане принялись перехватывать в Атлантике испанские корабли с золотом и колониальными товарами, потом обнаглели и стали грабить поселения Нового Света. Прекрасная и добрая королева сперва поддерживала инициативу своих доблестных подданных негласно, потом, после того как в 1587 году война Испании была официально объявлена, им стали выдавать каперское свидетельство – документ, разрешавший морской разбой в отношении подданных враждебного государства. Впрочем, до начала войны англичане могли разжиться каперским свидетельством, позволяющим грабить испанцев, в Нидерландах.

Для обозначения подобного рода деятельности в литера-

туре обычно используются термины «капер» или «приватир». «Пират» – более общее понятие, которое в зависимости от контекста может обозначать как морского разбойника на службе короны, так и грабителя, находящегося не в ладах с любыми правительствами. В Елизаветинскую эпоху пиратство органично совмещали с карьерой в королевском флоте.

Кадры подобрались отменные. «Морские волки Елизаветы» воистину вписали золотые страницы в историю мореплавания. Адмирал Френсис Дрейк открыл пролив своего имени и совершил второе в истории кругосветное путешествие, а все потому, что старался изыскать возможность атаковать с моря испанские поселения на Тихоокеанском побережье Америки, до которых подданные короля Филиппа добирались через Панамский перешеек. Во всяком случае таков был изначальный импульс. Потом он, возможно, втянулся и стал ставить перед собой все более широкие задачи. Джон Дэйвис, когда ему наскучил морской разбой в тропиках, отправился далеко на север и составил недурные карты Гренландии и Баффиновой земли. Мартин Фробишер в 70-е годы XVII века совершил три экспедиции в поисках Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Ричард Гренвилл, Уильям и Джон Хокинсы, Томас Кэвендиш, Хэмфри Гилберт – все они были отчаянно смелыми флотоводцами, пиратами, авантюристами, горячими патриотами и верными рыцарями ее величества.

Правдивая история первой колонии Виргиния

Пиратство пиратством, но Англия должна была обзавестись собственными колониями в Новом Свете. Хотя бы для того, чтобы отважным приватирам было где укрыться по ту сторону Атлантики. Да и вообще, почему все эти обширные и богатые земли должны достаться Испании? В полной мере эта мысль созрела к началу 80-х годов XVII века, но осуществить ее удалось не сразу. Основателем первой английской колонии в Америке считается сэр Уолтер Рэли – первая шпага Англии, флотоводец, землепроходец, лихой корсар, один из самых утонченных лирических поэтов своего блестящего века, философ, историк, фаворит королевы.

Я знать не знал, что делать мне с собой,
Как лучше угодить моей богине:
Идти в атаку иль трубить отбой,
У ног томиться или на чужбине,
Неведомые земли открывать,
Скитаться ради славы или злата...
Но память разворачивала вспять —
Грозней, чем буря, – паруса фрегата.

Он был сыном небогатого дворянина из Девоншира. В шестнадцать лет отправился во Францию и принял участие в

гражданской войне, сражаясь на стороне гугенотов и Генриха Наваррского, будущего французского короля Генриха IV. По возвращении Уолтер отправился в Оксфорд, но задержался там не слишком долго. Потом он перебрался в Лондон, где вскоре приобрел славу отчаянного дуэлянта. Тогда же обнаружились его поэтические таланты. В 1578 году он принимал участие в экспедиции в Новый Свет, а в 1580 году в военном походе в Ирландию. Согласно бытующей легенде, молодой человек впервые обратил на себя внимание Елизаветы, бросив ей под ноги свой роскошный алый плащ, чтобы королева не ступала по раскисшей грязи.

У сэра Уолтера имелся единоутробный старший брат по имени Хэмфри Гилберт. Его издавна занимала возможность для Англии совершить прыжок в Новый Свет и там закрепиться. Еще в 1566 году он пытался привлечь высочайшее внимание к своему проекту исследования северной части Америки. Тогда Елизавета его не поддержала. В ту пору Гилберт был нужнее в Ирландии. За подавление очередного ирландского восстания и весомый вклад в протестантскую колонизацию южной части Зеленого острова он в 1570 году был возведен в рыцарское достоинство и стал отныне именоваться сэром Хэмфри Гилбертом. Как видим, он имел заслуги перед короной, и эти заслуги ценили весьма высоко и до того, как его единоутробный брат сблизился с королевой. В 1577-м сэр Хэмфри выдвинул план по захвату рыболовных флотов Испании, Португалии и Франции, оккупа-

ции Санто-Доминго и Кубы, а также перехвату судов, перевозящих американское серебро в Испанию. А в следующем, 1678-м, он возглавил экспедицию, чтобы основать в Новом Свете английское поселение. С братом отправился и Уолтер, тогда еще не рыцарь и не фаворит. Однако в этом предприятии братьев постигла неудача. Сильный шторм не позволил даже приблизиться к американскому побережью, и корабли вынуждены были вернуться в Англию. Некоторые утверждают, что с этого момента у королевы возникло мнение, что затеям Гилберта не сопутствует удача.

Сэр Хэмфри смиряться с поражением, понятно, не хотел и всеми силами старался убедить королеву возобновить проект и оставить его руководителем. Младший брат, к тому времени занявший исключительное положение при дворе, всячески Гилберта поддерживал. В ожидании ответа королевы они, чтобы изыскать средства на новую экспедицию, стали продавать желающим земельные участки будущей колонии. Наконец королева поддалась уговорам. 16 марта 1583 года сэр Уолтер отправил сэру Хэмфри следующее письмо:

«Брат, посылаю тебе знак внимания Ее Величества: якорь, ведомый дамой, – ты увидишь сам. Кроме того, Ее Величество повелела мне передать твоей милости, что она желает тебе самой большой удачи и безопасности, как если бы она лично была там, чтобы посоветовать тебе позаботиться о себе как о человеке, к которому она благорасположена, а по-

тому, ради нее, ты должен принять соответствующие меры; она распорядилась далее, чтобы ты оставил мне свой портрет. Что до остального, то это оставим до нашей встречи или до получения отчета от того, кто передаст тебе эти добрые вести. С сим я вручаю тебя воле и покровительству Бога, который дарует нам жизнь или смерть такими, какие он считает желательными или какие он нам назначил.

Ричмонд, пятница утром.

Твой верный брат

У. Рэли».

11 июня 1583 года в море вышла ведомая Гилбертом эскадра: 5 кораблей и 260 человек. На этот раз сэр Уолтер остался в Лондоне. Полагают, что королева не пожелала его отпускать. Переход через Атлантику и в этот раз был не безмятежным. Из-за непогоды потеряли одно судно, но четыре уцелевших корабля в начале августа прибыли к Ньюфаундленду. Гилберт застал там множество рыболовецких судов под самыми разнообразными флагами, среди которых преобладали французские и португальские. Он решил положить конец этой рыбацкой вольнице и объявил Ньюфаундленд английским владением, издал закон об обязательности на острове англиканского вероисповедания, а также о наказании лиц, не признающих английского суверенитета и оскорбительно отзывавшихся об английской королеве. В знак серьезности своих намерений он конфисковал у рыбаков их улов в

пользу английской короны.

На месте временной деревушки, которую обычно покидали, как только заканчивался рыболовецкий сезон, Гилберт попытался основать постоянное английское поселение. Сейчас на этом месте находится довольно крупный город Сент-Джон. Говорят, он получил свое имя еще от первых временных поселенцев в честь Джона Кабота.

Дела у сэра Хэмфри пошли неважно. Иностранные моряки, не желая подчиняться его указам, снялись с якоря. Оставшиеся под его началом англичане тоже недовольно ворчали. Климат был суровым, с продовольствием, если не считать рыбы, было туго, сил для полноценного освоения острова – недостаточно. Гилберт принял решение вернуться в Англию, чтобы на следующий год возобновить попытку с более крупными силами и лучшей организацией. Увы, видимо ее величество была права, полагая, будто над сэром Хэмфри тяготеет злой рок.

«В понедельник, 9 сентября, после полудня, – рассказывал впоследствии один из капитанов, спутников Гилберта, – фрегат, захлестываемый волнами, едва не пошел ко дну, но тогда ему удалось удержаться. Делая ободряющие знаки, генерал, сидя на корме с Библией в руке, крикнул нам на «Лань» (мы как раз приблизились настолько, что могли слышать друг друга): «Море и суша одинаково ведут в небо!». Повторяя эти слова, столь приличествующие воину, я могу засвидетельствовать, что он был непоколебим в своей вере

в Иисуса Христа.

В ту же ночь понедельника, около полуночи или чуть позже, огни фрегата, шедшего впереди, неожиданно исчезли, и он стал невидим. Тогда же наш марсовый крикнул, что корабль генерала затонул. Так оно и было: в тот самый момент море поглотило фрегат».

Рэли оплакал брата и стал готовить новую экспедицию через Атлантику. В марте 1584 года он сумел добиться от королевы патента на открытие и приобретение «варварских стран и земель, не принадлежащих какому-либо христианскому государю». С претензиями Испании еще считались, до открытой конфронтации оставалось три года. Елизавета выдала патент, но настаивала, чтобы сэр Уолтер осуществлял лишь общее руководство проектом.

27 апреля 1584 года из Западной Англии отплыли два барка. Их капитанами были Филипп Амадас и Артур Бэрлоу. Уолтер Рэли подготовил эту экспедицию на собственные средства, и капитаны должны были отчитываться лично перед ним. Сначала корабли достигли Канарских островов, потом взяли курс на Вест-Индию и, лишь достигнув Багамских островов, повернули к северу. Туда, где не было испанских колоний. Артур Бэрлоу писал отчет для Уолтера Рэли: «2 июля мы вошли в прибрежные воды, где пахло так чудесно и так сильно, словно мы оказались в центре прекрасного сада, где в изобилии цвели все сорта ароматных цветов... Прошли еще около 20 английских миль, прежде чем обна-

ружили проход или реку, впадающую в море... Мы вошли в нее не без труда и бросили якорь приблизительно на расстоянии трех аркебузных выстрелов от устья по ее левую сторону. Возблагодарив Бога за наше благополучное прибытие, мы спустили наши боты и отправились осматривать ближайший берег». Осмотр моряков более чем удовлетворил. Это было совсем не похоже на суровый Ньюфаундленд, столь неприветливый к их предшественникам. Как отметил все тот же Бэрлоу: «Земля – самая плодородная, тучная, изобильная и благодатная во всем мире».

Местных жителей англичане встретили два дня спустя. Их было трое, и они подплыли к английским кораблям на небольшой лодке. Впечатление туземцы оставили самое благоприятное; направляясь к пришельцам, они не проявили ни страха, ни колебаний. Их предводителя пригласили осмотреть корабль, угостили всякими заморскими блюдами и одали подарками. Гость не захотел остаться в долгу. То, что он не имел при себе ничего ценного, помехой не оказалось. Индейцы тут же занялись рыбной ловлей, и уже через полчаса их каноэ глубоко просело под тяжестью улова. Всю пойманную рыбу разделили на две равные части и половину отдали англичанам. О дальнейшем развитии отношений с туземцами капитан Бэрлоу сообщает следующее: «На другой день к нам подошло несколько лодок, в одной из них находился брат короля, сопровождаемый 30 или 50 воинами, людьми красивыми, добрыми и столь же воспитанными и вежливы-

ми, как европейцы. Имя королевского брата – Гранганемео, самого короля именовали Винджина». Вторая встреча прошла в столь же дружественной обстановке, как и первая. Возникла бойкая меновая торговля. Вождь положил глаз на большое оловянное блюдо, которое он собирался использовать в качестве нагрудного панциря, и предложил за него 20 шкур крупных животных. При этом индейцы не проявляли мелочности и снабжали моряков съестными припасами безвозмездно.

Англичане объявили эту щедрую землю владениями королевы Елизаветы и стали присматривать место для поселения. Вскоре им приглянулся небольшой остров, который индейцы называли Роанок. Он был расположен в глубоко вдающемся в сушу заливе, недалеко от берега. «В его северной части, – рассказывал позже Бэрлоу, – находилась деревня из девяти домов, построенных из кедра, обнесенная вокруг палисадом из заостренных стволов, который служил им защитой от врагов. Вход в деревню был сделан очень искусно – в виде вращающегося копьяд. Когда мы подплыли туда, навстречу нам выбежала жена Гранганемео, брата короля, и приветствовала нас очень радостно и дружелюбно. Ее мужа не было дома. Нескольким из своих людей она приказала вынести наши лодки на берег, так как на море было большое волнение. Другим она велела вынести нас самих на спинах на берег, а третьим – спрятать весла в доме, чтобы они не пропали. Когда мы вошли в первую комнату дома, состоявшего

из пяти комнат, она посадила нас у большого костра, после чего сняла нашу одежду, постирала ее и высушила. Несколько женщин стянули с нас чулки и выстирали их. Другие вымыли нам ноги теплой водой. Хозяйка при этом проявляла большую заботу, старалась, чтобы все было сделано наилучшим образом... с нами обращались со всей любовью и добротой, а также со всей возможной щедростью (на свой манер). Мы встретили людей самых добрых, любящих и доверчивых, лишенных всякого коварства и не способных к предательству, живущих, как в золотом веке».

В сентябре того же года экспедиция Амадаса и Бэрлоу возвратилась в Англию, и капитаны принесли сэру Уолтеру Рэли благую весть: место для колонии найдено – лучше не придумаешь. Обрадованный, он решил назвать будущую колонию Виргинией – в честь королевы-девственницы (virgin), как принято было куртуазно именовать незамужнюю Елизавету. Но в современной литературе эту первую английскую колонию предпочитают, во избежание путаницы, называть индейским именем Роанок. Название Виргиния унаследовала другая колония, основанная несколько севернее в царствование Якова I. От нее получил свое имя американский штат. Но основанная Рэли колония находилась не на территории современного штата Виргиния, а в нынешней Северной Каролине.

Вскоре по возвращении Амадаса и Бэрлоу Рэли представил Елизавете некоего Ричарда Хаклюйта, который передал

королеве свое сочинение, озаглавленное «Трактат об основании колоний в Западном полушарии». Трактат произвел большое впечатление на ее величество, но она распорядилась держать его содержание в секрете, что и выполнялось вплоть до второй половины XIX века.

9 апреля 1585 года из Плимута вышло семь кораблей и направились в Роанок. Рэли вложил в эту новую экспедицию 40 тыс. фунтов стерлингов собственных средств, королева тоже участвовала в деле лично. Эскадру возглавлял Ричард Гренвилл, двоюродный брат Рэли и Гилберта, одним из капитанов был Томас Кэвендиш. В июле корабли достигли острова Роанок и основали наконец первое английское поселение в Америке. В нем насчитывалось 160 жителей. Эскадра простояла близ только что основанной колонии до конца августа, затем Гренвилл пожелал колонистам удачи и ушел в Англию, пообещав вернуться через год.

Губернатором первой Виргинии был некто Ральф Лейн. Видное положение среди колонистов занимал Джон Уайт, талантливый художник, выполнявший обязанности картографа. Он также сделал множество акварельных зарисовок местной природы и портретов туземцев. Те работы Уайта, которые сохранились до наших дней, сейчас выставлены в Британском музее.

Среди оставшихся тогда в Америке был также Томас Хэриот, впоследствии знаменитый ученый: математик, астроном и этнограф, а тогда еще молодой человек, широко из-

вестный в узких кругах своими познаниями и оригинальным умом. За время своего пребывания в Роаноке он выучил язык индейцев-алгонкинов и написал трактат под названием «Краткое и достоверное описание земель Виргинии», напечатанный в Англии в 1588 году.

Казалось, все благоприятствует поселенцам, но жить где-либо постоянно – отнюдь не то же самое, что погостить там несколько недель. Идиллические отношения с коренными обитателями Роанока вскоре стали портиться. Трудно сказать, повели ли себя англичане агрессивно в отношении индейцев или те попросту были рады принять гостей, но отнюдь не собирались отдавать свою землю навсегда. А кроме того, похоже, как ни плодородна была земля Виргинии, далеко не все колонисты жаждали ее возделывать. В памяти были еще свежи рассказы об испанцах, мешками таскавших золото в Перу и Мексике. Как бы там ни было, год спустя Уолтер Рэли получил не слишком утешительный отчет от Ральфа Лейна. Губернатор Виргинии сетовал, что «недостаточное число людей и недостаточное количество необходимых вещей лишили нас возможности сделать нужные открытия», и настоятельно советовал эвакуировать колонию. «Только открытие с Божьей помощью богатых сокровищ, или водного пути в южные моря, или подхода к нему, и ничто больше, не сможет обеспечить этой стране ее заселение нашей нацией, – писал Лейн. – Только два указанных открытия сделают здешний климат самым приятным и целебным, а вместе с

тем и землю, если ее возделывать, самой плодородной в мире. Тогда и сассафрас, и многие другие полезные растения, а также камедь, обнаруженные здесь, сделаются выгодным товаром и грузом кораблей, сами же по себе они не могут стать привлекательными».

В ответ на это жалобное послание Рэли решил отправить в Виргинию новых колонистов и более предприимчивого лидера. Но он не смог заняться этим сразу. Как раз тогда давно напряженные отношения с Испанией перешли наконец в стадию открытого конфликта, Френсис Дрейк начал готовить грандиозный пиратский рейд по испанским колониям, а в столице обнаружился католический заговор в пользу Марии Стюарт. Сам Рэли возглавил нападение на испанскую эскадру близ Ньюфаундленда, словом, на какое-то время всем стало не до скромной колонии Виргиния. К счастью для губернатора Лейна, адмирал Дрейк решил проведать его на обратном пути из своего рейда. Видимо, он нашел положение колонистов и в самом деле плачевным. Поселенцев Роанока снабдили некоторым количеством припасов и решили оставить им на всякий случай несколько небольших судов. Но эскадра Дрейка еще не успела отчалить, как разыгравшийся шторм унес эти суда в море вместе с находившимися на них припасами. После этого адмирал счел необходимым снять поселение. 27 июля 1586 года первые колонисты Роанок возвратились на родину в весьма печальном настроении. Привезенные Хэрриотом табак и картофель вряд ли могли бы уте-

шить сэра Уолтера в этой неудаче, но к тому времени он уже отправил в Роанок Гренвилла. Тот разминулся с эскадрой Дрейка в Атлантике и прибыл на место прежде, чем неудачливые колонисты сошли на английский берег.

Ричард Гренвилл крайне удивился, когда не обнаружил на месте поселения ни одного англичанина. В этом было некое предзнаменование печальной судьбы колонии, но тогда капитан решил, что колонисты просто зачем-то отправились в глубь страны и рано или поздно вернутся. Он оставил на острове запас продовольствия под охраной 15 человек и вновь покинул Роанок.

Гренвилл вернулся сюда в третий раз год спустя и привез 117 новых колонистов. Нового губернатора звали Джон Уайт, но исследователи не вполне уверены в том, что это был тот самый Уайт, что был художником и картографом первой колонии. Но Гренвилл снова не застал на острове никого из тех, кого на нем оставил. Обратимся к воспоминаниям губернатора: «Июля двадцать второго числа мы благополучно прибыли в Хатораск, где наш флагманский корабль и пинасса бросили якорь. Губернатор в сопровождении сорока лучших людей своих перешел на пинассу, намереваясь немедленно отправиться к Роаноку, где надеялся отыскать тех пятнадцать англичан, кои были оставлены на острове сэром Ричардом Гренвиллом год назад.

Однако сей же час, как наша пинасса отчалила от флагманского корабля, джентльмен, что был ответствен за воз-

вращение в Англию, заручился поддержкой Фернандо и воззвал к матросам на пинассе, требуя от них при возвращении за следующей партией не брать на борт первых сорок колонистов, но оставить их на острове, исключая губернатора и еще двух или трех человек по его усмотрению, ибо лето на исходе и нигде в другом месте он высаживать колонистов на берег не будет. И тогда слова капитана убедили всех матросов как на пинассе, так и на судне, и увещевания губернатора не помогли, и, не тратя времени на споры, он направился на Роанок, дабы тем же вечером, на заходе солнца, сойти на берег в том самом месте, где были оставлены 15 наших соотечественников, но не нашел никого из них, не нашел никаких свидетельств их присутствия там, если не считать того, что мы нашли кости одного из тех пятнадцати, убитого дикарями задолго до нас.

Июля 23 числа губернатор с несколькими своими людьми прошел к северной оконечности острова, где стоял форт капитана Ральфа Лейна со всем необходимым оснащением и в окрестностях коего располагались приличные жилые дома, построенные год назад. Там мы мыслили разузнать что-нибудь о наших людях или же найти какие-либо следы их пребывания, но, когда пришли туда, мы обнаружили, что форт разрушен до основания, зато все дома целы и невредимы, разве что их нижние комнаты и развалины форта заросли побегами дынь, и тогда мы вернулись к своим, больше не чая увидеть кого-либо из тех пятнадцати в живых.

В тот же день мною был отдан приказ, чтобы все до последнего человека отправились на починку домов, кои мы нашли нетронутыми, а также начали строить новые коттеджи в количестве, потребном для поселения».

Судьба пропавших четырнадцати человек так и осталась неизвестной, а пятнадцатого не радовала, тем не менее поселенцы смотрели в будущее не без оптимизма. Форма правления колонии была новой, губернатору помогали 12 советников, каждому колонисту предоставлялся в Виргинии солидный земельный надел, что должно было стимулировать земледелие и создать наконец прочную основу для дальнейшей колонизации. Припасов на этот раз взяли больше. Но, учитывая непростую обстановку, которую застали на месте, решили, что губернатор Уайт препоручит управление своим советникам, а сам вернется вместе с Гренвиллом в Англию, чтобы привезти больше припасов и новых поселенцев.

Еще до отплытия эскадры одна из колонисток, дочь Джона Уайта и супруга советника губернатора Ананиса Дера, счастливо разрешилась от бремени девочкой, которая стала первым ребенком англосаксонских кровей, рожденным в Новом Свете. Ее называли Вирджинией. Это казалось счастливым предзнаменованием.

Вернуться на следующий год к дочери и внучке, как он того хотел, Уайту не удалось. Война с Испанией принимала слишком серьезный оборот. В империи Филиппа II снаряжалась «Непобедимая армада». «Морские волки Елизаवे-

ты» сочли за благо не ждать у моря погоды, а нанести упреждающий удар. В апреле 1587 года Френсис Дрейк с 25 кораблями неожиданно напал на Кадис. Четыре корабля сумели ворваться в порт и уничтожить 30 из 60 стоящих на рейде кораблей пресловутой Армады. Это подняло боевой дух англичан и разозлило испанцев.

20 мая 1588 года флот короля Филиппа II вышел из Лиссабона, намереваясь провести высадку десанта на Британских островах. В конце июля – первых числах августа в виду берегов Кента его встретили лучшие английские адмиралы: Чарльз Говард, Френсис Дрейк, Уолтер Рэли, Мартин Фробишер, Джон Хокинс, Ричард Гренвилл. В ходе встречи выяснилось, что приспособленные к абордажному бою и перегруженные людьми корабли грозной Армады не могут как должно противостоять «морским волкам». В этой схватке все решали качества судов и их экипажей.

Англичане уже изрядно потрепали испанцев, когда в дело вмешалась еще и стихия. Внезапно поднявшийся ветер отнес большую часть испанских кораблей на север к Оркнейским островам, где на них обрушился жуткий шторм. Не иначе как подданным королевы Елизаветы помогла сама фея Моргана, согласно древним британским преданиям – королева Оркнейская. Впрочем, разговоры о том, что «Непобедимую армаду» победили не люди, а ветер и волны, велись больше в Испании и едва ли соответствовали истине. Шторм поставил точку в сражении, но его судьба определилась раньше.

Армада потеряла две трети своего состава, потери английской стороны составили около 100 человек. Морское могущество Испании было подорвано, но не настолько, чтобы она оказалась неспособной вести боевые действия на море. Война продолжалась еще долго с переменным успехом, испанцы сохранили свои американские колонии, восстановили достаточно регулярное движение своих «серебряных флотов» и были вполне способны доставлять противнику крупные неприятности.

В такой обстановке заботиться о процветании колонии Виргиния и Уолтеру Рэли, и Ричарду Гренвиллу было некогда. Да и особой срочности, казалось, не было. Земля за океаном была обильна, а ошибки первых колонистов, заставившие их спешно покинуть Роанок, вроде бы учли. Неугомимый Томас Хэрриот дал колонистам множество советов, как вести хозяйство, исходя из изученного им опыта индейцев. Так что год-другой можно и подождать. Тем не менее попытки достичь Виргинии предпринимались Уайтом и в 1588-м, и в 1589 году, но, столкнувшись с испанскими дозорами, английские капитаны поворачивали назад. В 1590 году Рэли договорился с лондонским купцом Джоном Уоттсом, чтобы три его корабля, идущие в Вест-Индию, взяли с собой Джона Уайта и зашли на Роанок. Путешественники прибыли на остров в середине августа. Рассказ о том, что они там обнаружили, лучше доверить самому Уайту: «К вечеру 15 августа мы стали на якорь у Хатораска, на глубине в 5 морских

саженей и в трех лигах от берега... На острове Роанок, около того самого места, где в 1587 году я покинул колонию, мы заметили густой дым, поднимающийся к небу, каковой дым вселил в нас надежду, что часть колонии осталась на месте, ожидая моего возвращения из Англии...

Мы подготовили две шлюпки и все оснащение и отплыли от Хатораска в количестве 19 человек, но не успели добраться до того места, где должны были пребывать наши колонисты, как в одночасье потемнело, мы миновали лишнюю четверть мили, и там, в стороне северной оконечности острова, узрели меж деревьев свет большого костра, в каком направлении и стали тотчас двигаться. Будучи напротив костра, мы бросили дрек (шлюпочный якорь) и подали сигнал трубой, а затем сыграли на оной же немалое количество английских мелодий и звали колонистов на разные голоса, но нам никто не ответил. Как рассвело, мы высадились на берег и, подойдя к огню, обнаружили, что горела там дрянная трава да трухлявые стволы разные. Оттуда мы прошли лесом к той части острова, что расположена против Дасамонгвепека, и затем обогнули северную оконечность острова и вернулись к месту, где я покинул колонию в году 1587-м.

По пути мы видели отпечатки ног двух или же трех дикарей, похоже ночные, и когда мы вышли к песчаной косе, то заметили близ оной дерево, на коре коего курьезным манером три большие латинские буквы вырезаны были – КРО... Как я уезжал в Англию, так мы условились, что товарищам

моим никоим образом не должно упускать случая писать или вырезывать на стволах деревьев название места, в коем они обретаться будут, ибо к приезду моему хотели они съехать с Роанока того миль на пятьдесят в глубь страны.

...И прошли мы тогда к поляне, где дома ранее воздвигнуты были, но дома те снесены оказались, а само место огожено было частоколом высоким из великих стволов, куртины же и фланкеры кругом подобны фортификационным оказались, а на одном из великих стволов, что направо от входа, коры вовсе не было, и в пяти футах от земли изрядными заглавными буквами высечено было – КРОАТОН, и не было рядом никакого знака бедствия.

Пройдя затем внутрь частокола, узрели мы там немало брусков железных, да две чушки свинцовые, да четыре капкана, да много разных тяжелых штук, там и сям разбросанных и в сорной траве обильной почти не видных. Оттуда мы прошли берегом к устью ручья, дабы отыскать шлюпку какую или пинассу, но не обнаружили и следа их, равно как не нашли ни фальконетов, ни пушек малых, кои я оставил колонистам, отъезжая. Возвращаясь, мы встретили некоторых из наших моряков, которые сказали, что они нашли несколько сундуков, в свое время закопанных, а потом вырытых и разбитых; что многие предметы испорчены и разбросаны вокруг и не оставлено неиспорченным ничего из тех вещей, применение которых было известно дикарям. Вскоре капитан Кук и я подошли к концу траншеи, сделанной два года

назад капитаном Амадасом; там мы увидели пять сундуков, которые поселенцы тогда тщательно запрятали. Среди них – три, принадлежавшие мне, а вокруг разбросанные, сломанные и пришедшие в негодность вещи: книги без обложек, карты и картины, сгнившие и испорченные дождем, мой доспех, почти полностью съеденный ржавчиной...»

Обнаружить в окрестностях какие-либо следы пропавших поселенцев не удалось, впрочем, англичане не могли позволить себе слишком долгих и тщательных поисков. В четвертый раз основывать колонию на месте, которое трижды находили пустым и заброшенным, они при всем своем упорстве не стали. Репутация у острова Роанок сложилась неважная. Другими поселениями в Америке в царствование Елизаветы тоже не обзавелись. Некоторым утешением служила успешно начавшаяся экспансия в Индию. 31 декабря 1600 года указом королевы была основана Английская Ост-Индская компания, быстро прибравшая к рукам богатейшую азиатскую страну, бывшую предметом вождения всех европейских монархов. Компания успешно хозяйничала в Индии на протяжении двух с половиной столетий. Впрочем, по-настоящему активные действия для завоевания этого субконтинента начали предприниматься лишь в следующее царствование. Но, как и в случае с Новым Светом, при Елизавете были заложены основы.

Лирическое отступление о сэре Уолтере Рэли

О возможной судьбе колонистов Роанока мы с вами еще поговорим, но нам вряд ли представится случай вернуться к ее основателю – сэру Уолтеру Рэли. Между тем дальнейшая судьба этого человека достаточно занимательна, чтобы уделить ей здесь немного места, даже отступив слегка от основной темы этого раздела книги.

С начала войны с Испанией Рэли командовал небольшой эскадрой. 23 июля 1588 года состоялось сражение при Портленде, которое продолжалось целый день. Испанский флот превосходил английскую эскадру количеством кораблей, но состоял из неповоротливых галеонов с высоко расположенными орудийными палубами, что затрудняло ведение огня на коротких дистанциях по низким целям. Поэтому Рэли использовал свою излюбленную тактику: выманивал галеоны на бой в открытое море, где, используя маневр, приближался к ним на короткую дистанцию и почти безнаказанно пускал ко дну. К концу дня разгром испанской эскадры был завершен.

Неудача с колонией Виргиния не повлияла на положение Рэли при дворе, он потерял высочайшее благоволение несколько позже и по причинам личного характера. Осенью 1591 года сэр Уолтер тайно обвенчался с некой Елизаветой Трокмортон, вскоре у них родился сын. Когда все выплыло

наружу, королева была вне себя и отправила в Тауэр и фаворита, и соперницу. Но дело все же не кончилось эшафотом. Месяца через два после ареста в Дортмуд прибыла снаряженная «преступником» каперская экспедиция, как выяснилось, весьма успешная. Рэли был прямо из тюрьмы направлен для проведения ревизии и составления финансового отчета. Королева боялась запутаться в малознакомых счетах и упустить часть прибыли. Оказалось, что общая стоимость захваченного груза оценивалась в 150 тысяч фунтов стерлингов, из которых на вложенные 3 тысячи фунтов Елизавета получила 90 тысяч. После окончания подсчетов сэр Уолтер был снова водворен в Тауэр, но гнев Прекрасной Дамы на коварного изменщика слегка поостыл. В конце концов супруги получили свободу, но Рэли не оставили при дворе, а отправили с глаз долой искать Эльдорадо в дебрях Ориноко, что, очевидно, пришлось ему по вкусу. По итогам этой экспедиции была написана книга «Путешествие в огромную, богатую и прекрасную империю Гвиана с великим и золотым городом Маноа, который испанцы называют Эль Дорадо». Там содержится масса сведений о Южной Америке. Прибыв на место, Рэли начал с того, что собрал информацию о размещении и передвижениях в этих краях испанцев, а также испанские байки о лежащей где-то в глубине континента обширной стране, столица которой стоит на берегу громадного соленого озера, наподобие Каспийского моря. Этот город якобы основал младший брат императора Перу, убитого конки-

стадорами Франсиско Писарро. Все это было щедро сдобрено весьма ценными подробностями о местной флоре и фауне, расположении водных путей и отношениях, сложившихся между индейскими племенами.

Экспедиция не обошлась без прямого военного столкновения с испанцами и подрывной работы среди индейцев. «Я прослыл бы совершеннейшим ослом, – писал Рэли, – если бы, желая отомстить за прежнее зло и добраться до Гвианы на небольших шлюпках, отошедших от моих кораблей на 400 или 500 миль, оставил у себя в тылу гарнизон, заинтересованный в том же предприятии и ожидающий со дня на день помощи из Испании. Поэтому, избрав наиболее подходящее время, я вечером напал на караул и, перебив его, послал вперед капитана Колфилда с шестьюдесятью солдатами, а сам двинулся за ним, прихватив с собой еще сорок, и так на рассвете захватил их новый город, который они называли С. Джозеф (Сан-Хосе-де-Оруна). Они прекратили сопротивление, обменявшись с нами лишь несколькими выстрелами, и все были отпущены, кроме Беррео и его помощника (я взял их с собой на корабль), и по настоянию индейцев я предал новый город С. Джозеф огню.

В тот же день прибыл капитан Джордж Гиффорд на корабле ваших милостей и капитан Кэймис, которого я потерял у берегов Испании, с галионом, и на этих кораблях – многие джентльмены и остальные люди, что было для нашей маленькой армии большой поддержкой и помощью.

Итак, мы поспешили навстречу нашему желанному открытию. Но прежде всего я собрал всех капитанов острова, которые были врагами испанцев (ибо были и такие, коих Беррео доставил из других стран и поселил здесь, чтобы грабить и разорять уроженцев этих мест). И через моего индейского толмача, привезенного мною из Англии, я объявил им, что я слуга королевы, великого касика Севера и девственницы, и под ее властью больше касиков, чем деревьев на острове, что она — враг кастильцев из-за их тиранств и притеснений и что она принесла избавление всем народам, живущим близ нее, и, освободив весь берег северного мира от кастильского рабства, прислала меня освободить индейцев и в то же время защитить страну Гвиану от испанского вторжения и завоевания. Я показал им портрет ее величества, и они так восхищались им и так его почитали, что легко могли бы пасть перед ним ниц, как это свойственно идолопоклонникам.

Подобную и еще более длинную речь я держал и перед другими народами как по пути в Гвиану, так и по границам; таким образом, в этой части мира ее величество весьма знаменита и почитаема, и называют ее теперь Эзрабета Кассипуна Акеревана, что значит Елизавета великая государыня или величайшая правительница».

Разобравшись в первом приближении с тылами, Рэли оставил корабли дожидаться своего возвращения и с сотней наиболее отважных спутников попытался проникнуть как

можно дальше в глубь континента на шлюпках. «Я уверен, — вспоминал он, — что на всей земле нет подобного слияния рек и рукавов, пересекающих друг друга так много раз. Все они столь обильны и велики и так походят один на другой, что никто не может сказать, которым следует воспользоваться. И если даже мы шли бы по компасу или по солнцу, надеясь так пройти прямым курсом, то и тогда нам пришлось бы кружить среди множества островов. Каждый остров здесь окаймлен высокими деревьями, так что никто не мог ничего разглядеть более чем на ширину реки или на длину бреши между островами».

Сэр Уолтер остался в убеждении (или, по крайней мере, убеждал других), что не дошел до Маноа двести миль. Он уверял, что «если бы мы смогли вступить в эту страну дней на десять раньше, до разлива рек, — нам удалось бы подойти к великому городу Маноа или по крайней мере взять так много других больших и малых городов, расположенных более близко, что это принесло бы доход, достойный королевы. Но Богу не угодно было на этот раз оказать мне столь великую милость».

Он не достиг цели, но его книга содержит массу довольно близких к реальности сведений по географии региона: «У великой реки Ориноко, или Баракан, девять рукавов, которые впадают в море севернее ее главного устья; южнее его есть семь других, так что она изливается в море всего шестнадцатью рукавами между островами и местностью, иссеченной

оврагами; но острова очень велики, многие из них такие же большие, как остров Уайт, и еще больше, и много меньших. От первого рукава на севере до последнего на юге по меньшей мере сто лиг, так что устье реки при впадении в море не менее трехсот миль шириною, что, я думаю, гораздо больше, чем устье Амазонки». Согласно современным данным, Ориноко изливается в море не шестнадцатью, а семнадцатью рукавами. Неточность, как видим, очень небольшая. С оценкой ширины устья Рэли промахнулся гораздо сильнее, раза в два. Нынешние географы оценивают ее не в 300, а приблизительно 150 миль, но устья Амазонки оно все же шире. Километров на десять. Тем не менее, сделанная сэром Уолтером исследовательская работа была колоссальной. К отчету об экспедиции он прилагал составленные им карты, которые настоятельно рекомендовал держать в секрете.

Но беда в том, что Рэли не привез из своего путешествия, как первые конкистадоры, горы слитков, а лишь сведения о том, что в тех краях имеются золотые месторождения, и образцы руды. Это сильно вредило ему в глазах общественного мнения. Вот что он сообщает по этому вопросу: «Так как существуют различные мнения о золотой руде, привезенной из Гвианы, а также вследствие того, что лондонский олдермен и чиновник монетного двора ее величества объявил, что она не имеет никакой ценности, я счел полезным в добавление к этим строкам дать ответ как на сию злобную клевету, так и на другие наветы.

Действительно, когда мы находились на острове Тринидадо, я узнал от одного индейца, что недалеко от гавани, где мы стояли на якоре, были найдены рудные камни, которые туземцы считали золотом. Они были тем более в сем убеждены, что видели раньше, как и англичане, и французы собирали эти камни и грузили на корабли; так как это могло быть золото, я послал сорок человек и каждому приказал принести из той залежи по камню, дабы испытать его достоинство. И когда это было сделано, я сообщил им, что камень этот — марказит, не имеющий никакой ценности.

Многие, тем не менее, доверяя более собственному разумению, нежели тому, что я сказал, набрали этого марказита и испытали его в разных местах после моего возвращения на родину. В самой Гвиане я никогда не видел марказита, но все скалы, горы, все камни на равнинах, в лесах и на берегах рек блестели и казались удивительно ценными; при испытании, не марказит ли это, в камнях обнаружили следы драгоценных руд. Это было, однако, не что иное, как El Madre del oro (как ее называют испанцы), она — мать золота, или, как говорят другие, золотая накипь.

Многие из моего отряда привезли в Англию разные виды этих камней, и каждый из них принял самый красивый за самый лучший, а это не всегда так. Я, однако, не запрещал им ни поступать, ни думать таким образом, да если бы я и отказал им в удовлетворении этих прихотей, я мало что мог бы дать им взамен.

Я рассудил, однако, что золото должно быть либо в зернах, отдельно от камня, как это наблюдается в большинстве рек в Гвиане, либо — в разновидности белого камня, который мы называем белый шпат; я видел несколько холмов из него в разных местах, но у меня не было ни времени, ни людей, ни орудий, нужных для работы.

Поблизости от одной из рек я нашел очень большую жилу, или залежь, этого белого шпата, или кремня, и пытался ее вскрыть всеми средствами, какие имел, ибо на поверхности было несколько зернышек золота. Но, не найдя способов разработать ее сверху и осматривая ее с боков и со всех сторон, я набрел на скалу из той же породы, от которой кинжалами и обухами топоров мы отбили немного камня. Во всех частях Гвианы, где мы проходили, мы видели много холмов и скал из этой разновидности белого камня, в котором зарождается золото.

Этот камень много раз проверяли, и в Лондоне он был прежде всего испытан мастером Уэствудом, пробщиком, живущим на Вуд-стрит, и золота оказалось 12 000—13 000 фунтов на одну тонну руды. Другой сорт был после этого испытан мастером Балмером и мастером Димоком, мастером-пробщиком, и в одной тонне оказалось 23 000 фунтов золота. Некоторые из камней снова были испытаны мастером Палмером, контролером монетного двора, и в них оказалось по 26 000 фунтов золота на тонну руды. Так же в то же самое время и теми же лицами была испытана пыль из той же за-

лежи, в которой оказалось 8 фунтов 6 унций золота на 100 фунтов руды; так же в то же самое время, кроме других проб, сделанных в столице и другими людьми в Лондоне, испытан был медный идол из Гвианы, который содержит третью часть золота. Но оттого, что все окончилось хорошо, и, должно быть, потому, что указанному олдермену не преподнесли лучшую долю, ему угодно было оклеветать всех остальных и навредить предприятию, насколько это было в его силах». В данном отрывке содержание золота указано в так называемом пробирном фунте, равном 12 гранам (0,744 грамма).

Рэли также указывает на трудности освоения этого края: «Будь горы Гвианы даже из чистого золота, мы не могли оставаться там дольше, чтобы добыть его. И если бы кто увидел, в каком необычайно твердом камне содержится эта лучшая руда, он не счел бы, что золото там можно легко добывать целыми горами, в особенности нам, не имевшим (как было сказано раньше) ни людей, ни инструментов, ни времени для выполнения этого дела.

При этом открытии было не менее ста человек, которые все могут подтвердить, что, когда мы проходили по какому-либо притоку реки Ориноко, дабы осмотреть внутреннюю часть страны, и оставляли лодки всего на шесть часов, нам приходилось при возвращении погружаться в воду до самых глаз. И если бы мы повторили то же завтра, было бы невозможно ни перейти ее вброд, ни переплыть из-за большой скорости течения, а также потому, что по границам Гви-

аны растут столь густые леса, что ни лодка, ни человек не смогут подойти к берегу и высадиться там.

В июне, июле, августе и сентябре плавать по этим рекам невозможно, ибо такова стремительность течения и так много затоплено деревьев и бревен, что если лодка только при- ткнется к какому-нибудь дереву или колу, то невозможно будет спасти никого из сидящих в ней; не успевали мы отойти от берега, как нас мчало с такой быстротой, что мы спускались вниз по реке, чаще всего против ветра, немногим меньше чем по сто миль в сутки».

В общем, собранную сэром Уолтером информацию приняли к сведению и поставили ему в заслугу, но немедленных золотых гор она не сулила, требовались слишком большие вложения, а тут как раз новый фаворит королевы граф Эссекс собрался в военную экспедицию против Кадиса. Это было актуальнее, чем повторное исследование бассейна Ориноко, и Рэли отправился вместе с ним в качестве контр-адмирала.

В этом походе англичане молниеносно разгромили защищавший Кадис испанский флот, высадили десант и захватили сначала город, а три дня спустя – крепость Сан-Филиппе, где заперся гарнизон. Руководитель обороны герцог Медина-Сидония (тот самый, что командовал «Непобедимой армада») был вынужден отдать приказ сжечь 32 торговых корабля с товарами, чтобы они не достались англичанам. Утверждают, что тогда сгорело имущества на 20 млн

дукатов. На следующий день представители англичан встретились с городскими властями, где сообщили, что в обмен на контрибуцию готовы оставить Кадис и уплыть обратно. Сумму выкупа определили в 520 тысяч дукатов и взяли себе в заложники до выкупа 51 знатного горожанина. Однако, дождавшись лишь частичной оплаты (120 тысяч дукатов), 5 июля англичане покинули Кадис. Заложников при этом не отпустили и увезли с собой (они вернулись на родину лишь в 1603 году, перед заключением мирного договора). Добыча от грабежа составила около 300 тысяч фунтов.

Под стенами Кадиса Уолтер Рэли проявил себя столь блестяще, что королева окончательно вернула ему свое доброе расположение, хоть и отказывалась принимать при дворе его супругу.

Сэр Уолтер оставался в фаворе вплоть до смерти Елизаветы в 1603 году, но с ее преемником Яковом I отношения у него не сложились. В первый же год нового царствования Рэли был арестован по обвинению в государственной измене. Ему инкриминировали заговор с целью посадить на трон некую шотландскую принцессу Арабеллу, кузину Якова. Обвинение было подготовлено из ряда вон плохо, и Рэли превратил судебный процесс в роскошное шоу. Он издевался над судьями как мог, и когда доведенный до белого каления обвинитель возмущенно воскликнул: «Мне просто не хватает слов!» – подсудимый ядовито ответил: «Вам действительно не хватает слов, иначе вы не повторяли бы одно и то же

по четыре раза». Это не спасло его от смертного приговора, но продлило ему жизнь на какое-то время.

Приговор был жуткий: смертная казнь через повешение, потрошение и четвертование. Но привести его в исполнение не решились. Горожане передавали друг другу едкие остро-ты сэра Уолтера, и были все основания опасаться, что его появление на эшафоте вызовет волнения и, хуже того, поставит короля в очень неловкое положение. Рэли оставили в Тауэре, где он и провел следующие тринадцать лет. Эти годы не были бесплодными во всех смыслах. В тюрьме он написал «Трактат о кораблях», «Обзор королевского военно-морского флота», «Прерогативы парламента», «Правительственный совет» и, наконец, начал «Историю мира», которую ему удалось довести до 130 г. до н. э. Кроме того, условия заключения позволили ему стать отцом еще одного сына.

В 1616 году король Яков заинтересовался проектом поисков Эльдорадо в бассейне Ориноко. Его убедили, что лучший специалист, которому следовало бы поручить это дело, находится в Тауэре. Таким образом, Рэли второй раз в жизни покинул тюрьму, чтобы отправиться в Южную Америку. Экспедиция оказалась крайне неудачной. Он так и не нашел свой золотой город Маноа, а в стычке с испанцами погиб его старший сын. Сэр Уолтер вернулся на родину с тяжелым сердцем, зная, что ничего хорошего его там не ждет. Приговор пятнадцатилетней давности никто не отменял.

29 октября 1618 года в возрасте шестидесяти четырех лет

сэр Уолтер Рэли по воле короля Якова I сложил голову на плахе. Свою судьбу он встретил с обычным для него мужеством и иронией.

Что наша жизнь?
Страстей одна игра,
А радость – лишь антракта мишура;
Надев костюм в утробе матерей,
Мы жалкий фарс играть спешим скорей,
И строгий зритель – Небо – без обид
За нашими огрехами следит.
В конце игры от солнечных гримас,
Как занавес, могила скроет нас.
Последний сон – всего апофеоз,
Но мы умрем не в шутку, а всерьез.

Мифы Северной Каролины

Судьба поселенцев острова Роанок занимала и занимает до сих пор многих. За истекшие четыреста с лишним лет эта история изрядно преобразилась и имеет множество вариантов. Например такой, обнаружившийся на одном туристическом сайте: «Солдаты тихо ступали по земле, держа аркебузы наизготовку. Час назад они увидели сигнал – взвившийся дым костра, знак того, что их зовут на помощь. Пока отряд прибыл на место, уже стемнело. Под ногами хлюпала вода, и эти звуки громом отзывались в мертвой тишине. Осторожно заходя в дома (двери были открыты), военные видели, что на столах горели свечи, а на очаге догорала приготовленная еда – жители поселка Роанок явно собирались сесть поужинать. 116 человек – мужчин, женщин, маленьких детей – исчезли, испарились, как будто их никогда не было. Вместе с ними пропали и домашние животные: солдаты не нашли ни одной собаки или курицы. Дойдя до самого края зловещей деревни, командир подал команду остановиться – на дереве возле дома священника, освещенное пламенем факела, белело вырезанное на коре слово, непонятное и от этого страшное – «Кроатон».

Не знаю, как вам, а мне нравится. Но все же я настоятельно рекомендую сравнить это леденящее душу описание с оригинальным рассказом непосредственного свидетеля –

Джона Уайта, который мы приводили несколькими страницами выше. Очень наглядно видно, как зарождается легенда, как реально имевшие место детали преобразуются под напором творческого воображения и приобретают совсем другой смысл.

Не меньшее удовольствие можно получить и от рассказа о дальнейших событиях, который принадлежит (или во всяком случае приписывается) некоему Джеймсу Харту, вице-президенту общества «Пропавшая колония»: «Командир английского отряда рассказал губернатору Джону Уайту об исчезновении поселка, но тот ему не поверил и приказал устроить дополнительные поиски. Всего в 1590 году на североамериканский остров Роанок было направлено четыре поисковые экспедиции. Последнюю возглавлял уполномоченный королевы Елизаветы I Уолтер Рейлиф. Не было найдено даже капли крови, пряди волос или лоскута разорванной одежды, что указывало бы на атаку врагов. Окрестные леса тщательно исследовали в поисках свежих могил, но ни одного трупа тоже не нашли. Племя местных индейцев-кроатонов дружило с колонистами, но на всякий случай обыскивали их деревню на соседнем острове. Это не дало результатов. В итоге Уайт послал королеве депешу: «Они не могли исчезнуть просто так, что не осталось даже следа. Их забрал дьявол». Позднее Рейлиф уже по собственной инициативе искал поселенцев, перекопал всю землю на месте деревни, но через 14 лет окончательно забросил поиски. Бесследное исчезно-

вание всех колонистов Роанока считается одной из главных тайн в истории человечества».

Здесь, в отличие от первого отрывка, все довольно сухо и деловито, стилизация под научно-популярный текст, но, тем не менее, это тоже прекрасный образец мифотворчества. Воображение отталкивается от одной или двух реальных личностей или событий, а дальше его несет по кочкам. А обилие конкретных деталей (имена и должности участников событий, точное количество поисковых экспедиций и лет, потраченных на поиски) создает у читателя иллюзию, что автор достоин доверия.

Мы с вами, однако, знаем, что Джон Уайт в том положении, в котором он находился, никак не мог слать депеши ее величеству с места происшествия. Постоянного сообщения с Англией тогда не существовало, и сам Уайт три года ждал okazji, чтобы попасть в Роанок. Да и не мог он напрямую обращаться к королеве, только через более высокопоставленных посредников. Отчет, который мог удостоиться высочайшего внимания как-нибудь потом, когда что-либо предпринимать было уже поздно, он написал. Ну а историю о том, что специально для того, чтобы выяснить судьбу сотни не самых знатных поселенцев, через Атлантику четыре раза подряд посылали экспедиции, мог выдумать только человек, совершенно незнакомый с условиями, в которых проходила колонизация Нового Света. Даже особы, приближенные к трону, вряд ли удостоились бы подобной чести. Спасение уто-

пающих – дело самих утопающих. Отправить же четыре экспедиции в течение одного 1590 года было физически невозможно. Если, конечно, каждая последующая отправлялась после возвращения предыдущей, участники которой докладывали об отсутствии результата.

«Уполномоченный королевы Елизаветы I Уолтер Рейлиф» – это, очевидно, сэр Уолтер Рэли. Во всяком случае, другого подходящего прототипа для этого персонажа нет. В принципе, его имя – Raleigh – можно передать по-русски и таким образом, хотя больше принято писать Рэли или Рейли. Но довольно печально, что человек, взявшийся просвещать русскоязычную публику по вопросам истории заселения европейцами Америки, явно не слышал этого имени прежде.

Как мы опять-таки знаем, сэру Уолтеру Рэли было чем заняться, кроме как четырнадцать лет подряд лично перекапывать остров Роанок. Сначала он готовил каперские рейды, потом сидел в Тауэре, затем исследовал бассейн Ориноко, штурмовал Кадис. В своей книге о путешествии в Гвиану, имевшем место в 1595 году, он упоминает, что собирался на обратном пути свернуть к Роаноку, чтобы попытаться отыскать следы пропавших пять лет назад поселенцев, но сильный встречный ветер помешал ему осуществить это намерение. Основатель первой британской колонии в Новом Свете, хоть его и не назовешь кабинетным деятелем, никогда в этой колонии не бывал.

Жаль разочаровывать читателя, но, видимо, ничего особо

тайнственного – в смысле абсолютно необъяснимого с точки зрения скучной материалистической науки – на острове Роанок не произошло. И уж тем более эта история не является «одной из главных тайн в истории человечества». Тем не менее, она интригует. И, безусловно, она напугала современников. Судите сами: три раза подряд мореходы оставляют на острове поселенцев, и три раза по возвращении находят остров пустым и заброшенным. Почва для расцвета мистических преданий самая благоприятная. Но по крайней мере первый случай имеет совершенно исчерпывающее и совсем не потустороннее объяснение.

Первые поселенцы во главе с губернатором Лейном покинули остров на кораблях Френсиса Дрейка и благополучно достигли Англии. Другое дело, что разминувшийся с Дрейком в Атлантике Гренвилл ничего об этом не знал, и его матросы наверняка разнесли жутковатую историю о брошенном поселении по портовым кабакам раньше, чем их просветили на этот счет. Так был заложен первый камень в основание легенды.

Об обстоятельствах, заставивших Лейна и его подопечных оставить Роанок, мы знаем все или почти все. Одной из главных причин являются испортившиеся отношений с индейцами. Согласно отчету Лейна, они начали ухудшаться после того как вождем аборигеном острова Роанок стал Пемисапана, брат Гранганемео, установившего дружеские отношения с капитаном Артуром Бэрлоу. То ли он с самого

начала не разделял симпатий брата, то ли изменил мнение о бледнолицых людях под давлением обстоятельств. По словам губернатора, Пемисапана вступил в заговор с дикарями материка, чтобы погубить колонистов. Способ погубить англичан индейцы, однако, поначалу избрали довольно странный. Они не собирались захватывать и сжигать поселение или снимать с наглых пришельцев скальпы. Они даже не собирались загнать их за частокол и там блокировать. Лейн писал Уолтеру Рэли о Пемисапане: «Ему советовали, да и сам он задумал то же самое, – в качестве верного средства погубить нас в марте 1586 года, – убежать от нас со всеми своими дикарями». То есть вредить колонистам индейцы не собирались, они просто больше не желали им помогать. Они до такой степени не хотели иметь с ними дела, что готовы были бросить свою землю и свои жилища и уйти на материк, лишь бы их оставили в покое.

Ситуация кажется анекдотичной, но на самом деле смешного в ней мало. Колонисты, конечно, разгильдяи, но не до такой степени, как это кажется на первый взгляд. Если бы они с самого начала высадились на пустой остров, где им предстояло выживать самостоятельно, то, возможно, выжили бы. А так – договорились с людьми, что те будут снабжать их продовольствием, а те взяли и собрались уходить. Между тем запасов зерна для весеннего сева у поселенцев не оказалось. Конечно, можно предположить, что не исключено, что и в ссоре с индейцами англичане были не столь уж виноваты.

Сохранились сведения, что индейцы стали испытывать суеверный ужас перед пришельцами, после того как заразились от них какой-то неведомой в этих краях болезнью. Эта версия довольно хорошо согласуется с тем странным способом погубить чужаков, который они избрали. Впрочем, в ангельски доброе и справедливое отношение англичан к туземцам тоже верится с трудом, да Хэрриот в своем трактате сетовал на жестокость соотечественников. Кроме того, и Хэрриот, и Уайт упоминают дружественные и враждебные европейцам индейские племена.

Один конфликт неизбежно тянул за собой другой, отношения местных и пришельцев становились все более напряженными. Окончательно они не рассорились, видимо, среди индейцев все еще была достаточно сильная «проанглийская партия», но Ральф Лейн совершенно правильно почувствовал, что дело пахнет керосином и эвакуировал колонию вовремя.

При описанных обстоятельствах пятнадцать человек, оставленных на острове Гренвиллом, сильно рисковали. Они находились во враждебном окружении в довольно-таки населенной стране. Оказавшиеся в их распоряжении укрепления явно не были рассчитаны на то, чтобы их удерживать такими силами. Устроить вылазку при имевшейся численности гарнизона тоже было затруднительно. Выживали, конечно, и в худших условиях, но это уж кому как повезет. За год можно найти способ как-то добраться до горстки чужаков. И если

для того, чтобы напасть на поселение, где обретается более ста человек, нужны согласованные действия всего племени, а то и нескольких племен, то перебить полтора десятка могут и энтузиасты-одиночки, наплевавшие на последствия, мнение вождя и совета старейшин. Организовать нападение на форт, где укрылись англичане, могла также небольшая отколовшаяся от соплеменников группа туземцев. Гренвилл не оставил бы этих людей на острове, если бы не думал, что остальные колонисты где-то рядом и вот-вот вернутся. Тут сказалась плохая организованность колонистов. Договориться об условленном месте, где можно будет в случае чего оставить послание, им в голову не пришло.

Выше мы говорили, что о судьбе четырнадцати из пятнадцати оставленных на острове Роанок спутников Гренвилла неизвестно ничего, но это не совсем так. Кое-какую информацию Уайт вытянул из индейцев еще до своего отъезда в 1587 году. Ему поведали, что на почти пустое поселение напали индейцы, которые не являлись соплеменниками рассказчиков. Неподалеку от форта была устроена засада, а два воина приблизились к частоколу якобы для того, чтобы вести переговоры. Навстречу вышли двое англичан. Один был убит на месте. Очевидно, это был тот самый человек, тело которого удалось найти. Второй успел призвать на помощь товарищей, и все вместе начали пробиваться к берегу. Им удалось погрузиться в шлюпки и отплыть. Сначала они высадились на крохотном островке между Роаноком и Порт-

Фердинандо (Хатораском), но затем, видимо, немного придя в себя, пустились в дальнейшее плавание в неизвестном направлении. Дальнейшая их судьба действительно покрыта полным мраком. Они могли погибнуть в прибрежных волнах, могли быть убиты индейцами где-нибудь в другом месте, могли быть приняты каким-нибудь племенем и остаться с ним до конца своих дней, могли, наконец, встретить европейское судно и даже добраться на нем до цивилизованных мест, но не спешить вернуться на королевскую службу. Словом, вариантов довольно много, и удивляться отсутствию сведений о беглецах особо не приходится. Упустившие врагов индейцы подожгли форт и удалились, а вернувшиеся летом 1587 года англичане вновь застали остров пустым.

Колонисты, прибывшие на Роанок с Джоном Уайтом, рассчитывали найти здесь готовый форт и солидные запасы продовольствия под охраной маленького гарнизона. Когда ничего этого не обнаружилось, они обеспокоились до такой степени, что решили несколько изменить свои планы: немедленно отправить Уайта за подкреплением и дополнительными припасами. Очевидно, что изначально это в их планы не входило, иначе губернатор остался бы на острове. С плановым завозом поселенцев и провизии справился бы и Гренвилл. Уайта отправили, чтобы он убедил сильных мира сего в необходимости внеплановой акции, то есть поселенцы чувствовали, что их положение весьма непрочное.

Когда три года спустя Уайт возвращался, судьба колонии его чрезвычайно тревожила. Он сам признается, что вздохнул с облегчением, заведя на берегу огонь. Губернатор не считал исчезновение поселенцев необъяснимым, наоборот, он ожидал чего-то подобного. Более того, еще до отплытия эскадры поселенцы обсуждали возможность оставить это опасное и несчастливое место и перебраться на другое. На этот случай они договорились о способе сообщить вновь прибывшим свое местонахождение. Уайт совершенно определенно сообщает это в своих записях. Тут не может быть разночтений. Надо сказать, способ не лучший. Гораздо разумнее было бы оставить подробное письмо в известном узкому кругу лиц тайнике, но задним умом каждый крепок. Поселенцы сделали как договаривались – вырезали лаконичное послание на стволе дерева.

Слово «Кроатон» ныне чрезвычайно любимо мистиками и мастерами жанра хоррор, особенно американскими. Ряд интернет-изданий сообщает со ссылкой на исследователя обычаев североамериканских индейцев канадского профессора Пьера Моренье, что Кроатон – это имя бога, которому поклонялись индейцы, и переводится оно как Жнец душ. Как считалось, он всегда жил среди них, но был невидим и по желанию мог вселяться в любое тело. Кроатону носили еду на жертвенный алтарь, жрецы садились в круг и наблюдали, как еда медленно исчезала в воздухе. Раз в год богу присылали «помощника» – сильного воина. Его помещали в

запертую хижину с алтарем, и к утру воин исчезал.

Такое истолкование таинственного слова пришлось по душе признанному мэтру мистического жанра Стивену Кингу. В романе-киносценарии «Буря столетия» он рассказывает, как кровожадное туземное божество поочередно овладевает телами теперь уже современных американцев. Дело происходит не на острове Роанок, а в другом месте, но история первых колонистов там пересказывается. Согласно Стивену Кингу, поселенцы истребили друг друга или покончили самоубийством, потому что отказались отдать Кроатону то, что ему требовалось, – указанного им ребенка.

Создатели сериала «Сверхъестественное» остановились на версии, что Кроатон – это смертельный демонический вирус, переносимый через кровь. Этот вирус сводит людей с ума и заставляет совершать агрессивные действия, вплоть до братоубийства. Зараженный (так называемый «крот») пытается заразить этим вирусом как можно больше людей, чтобы вирус распространялся дальше. Впрочем, во внешних своих проявлениях этот вирус мало чем отличается от собирающего жатву человеческими душами индейского бога, разве что определяется по наличию серы в крови. Побочным эффектом от действия вируса является стремление писать слово «Кроатон» на разных вертикальных поверхностях.

Мы рискуем вновь разочаровать читателя, но непонятное и потому страшное слово «Кроатон» на самом деле было абсолютно понятно Джону Уайту. Так назывался остров, рас-

положенный не столь уж далеко от Роанока, а также обитавшее поблизости индейское племя, вроде бы доброжелательное к англичанам. Вполне возможно, что так звали и какое-то индейское божество, в отношении которого совершались мистические обряды, но вряд ли надпись на стволе дерева имела к этим этнографическим подробностям какое-то отношение. Куда логичнее предположить, что колонисты собирались покинуть Роанок и сообщали своему губернатору, где их искать. Другое дело, что никаких следов их длительного пребывания на Кроатоне тоже не обнаружили. Поселенцы либо сюда не добрались, либо в самом скором времени были вынуждены покинуть и этот остров. Куда же делись все эти люди?

По понятным причинам экскурсоводы Северной Каролины и туристические агенты всего мира настаивали и будут настаивать, что объяснить это невозможно и на острове Роанок засела пожирающая путников нечисть. Если вам особенно повезет, она сожрет и вас, поэтому покупайте путевки в Северную Каролину. «Те версии, что уже приводились, легко рассыпаются в прах, – вещают агенты, – пираты никогда не доплывали до северных морей, хлипкими шхунами колонисты не владели: в 1587 году они приплыли на остров на трех кораблях (и в день пропажи людей все корабли были в порту). Нападение индейцев тоже не могло застать их врасплох – поселенцы Роанока были тяжело вооружены и хорошо охраняли поселок. У нас нет внятного объяснения этому

случаю».

Насчет трех кораблей в порту, равно как и наличие самого порта, оставим без комментариев, остальное прокомментируем. В принципе, послание на стволе дерева могло означать и «на нас напали индейцы-кроатоны», но с гораздо меньшей долей вероятности. Уайт отмечает отсутствие знака бедствия, о котором, очевидно, было условлено заранее. Между тем, его должны были бы вырезать в первую очередь. Губернатор знал кроатонов как дружественное племя, и если это положение вещей изменилось, его непременно следовало предупредить.

Версия захвата форта индейцами и правда выглядит малоправдоподобной. При наличии пусть даже легкой артиллерии описанные Уайтом укрепления сотня колонистов удержала бы без особого труда. Но если неподалеку обосновались враждебно настроенные дикари, у англичан могли возникнуть серьезные осложнения со снабжением форта провизией. В этом случае открытого конфликта лучше не дожидаться. Скорее всего, Роанок оставили в сравнительно спокойной обстановке, рассчитывая вернуться еще раз за спрятанными вещами. Как мы знаем из записей Джона Уайта, в распоряжении колонистов имелись шлюпки и пинассы, небольшие парусно-гребные суда, обычно используемые во всяческих вспомогательных целях. Все наиболее ценное, в частности пушки, успели погрузить на эти суденышки, но многие массивные предметы оставили.

Разорению, следы которого отмечает Уайт, поселок подвергся уже после того, как его покинули жители. Кроме надписи на эту же мысль наводит и состояние построек: целые укрепления и разрушенные дома. Прошлый раз, когда индейцы действительно брали форт штурмом, они поступили наоборот – разрушили стены, но, убедившись, что белые ускользнули, оставили все как есть. Теперь кто-то беспрепятственно проник внутрь форта и все там перевернул вверх дном. Самой труднообъяснимой деталью всей истории, на мой взгляд, являются брошенные ржаветь доспехи. Это при том, что несколькими годами раньше индейский вождь отдал двадцать звериных шкур за оловянное блюдо, которое думал приспособить под нагрудный панцирь. Самое простое объяснение – возникший за это время ритуальный запрет на использование индейцами колдовских штучек, ранее принадлежавших белым. В этом случае легко понять, зачем они разрушали дома, но неясно, зачем выкапывали сундуки. Искали что-то конкретное, на что запрет не распространялся?

Что до вопроса, куда делись покинувшие Роанок колонисты, то тут может быть несколько объяснений. Самое простое из них – это стихийное бедствие. Совсем не обязательно выходить в открытый океан, чтобы оказаться на дне. Если погода внезапно испортилась, когда находящиеся поблизости берега были непригодны для высадки, перегруженные суденышки вполне могли затонуть. Кроме того, их могло унести далеко в море, и затем они были вынуждены пристать

к берегу совсем не там, где собирались, далеко от острова Кроатон.

Также колонисты могли подвергнуться внезапному нападению индейцев в момент высадки, когда не имели возможность применить свои пушки. Или не индейцев. Приведенное выше утверждение, что пираты никогда не заплывали так далеко на север, просто смехотворно. Пираты неоднократно нападали на флотилии близ острова Ньюфаундленд, а он расположен гораздо севернее. Они вообще плавали куда и как хотели, и далеко не всегда имея конкретную цель. Морской разбой сплошь и рядом совмещали с поиском новых земель.

Наконец, это могли быть не вполне пираты, а моряки Его Католического Величества Филиппа II, целенаправленно прочесывавшие побережье в поисках английских поселений, опорных пунктов елизаветинских каперов. Наткнувшись на англичан, они должны были захватить их в плен и доставить испанским властям, чтобы получить возможно более полную информацию о колонии и близлежащих землях. Во всяком случае, сэр Уолтер Рэли поступал с испанцами именно так, если имел возможность. Колонисты с острова Роанок с их легкой артиллерией не могли бы противостоять многопушечным боевым испанским кораблям. Информация об этом могла и не сохраниться в испанских архивах, если была засекречена или если захватчики не добрались до порта.

Кстати сказать, именно в период 1587–1590 годов вероятность появления у американских берегов неучтенного испанского корабля, чье исчезновение прошло незамеченным, была особенно велика. Как вы, безусловно, помните, летом 1588 года в море сгинуло около восьми десятков кораблей «Непобедимой армады». Вряд ли все они камнем пошли на дно. Кого-то могло унести далеко в Атлантику, и капитан принял решение направить свой потрепанный англичанами и штормом корабль к берегам Америки. Тут-то испанцы и наткнулись на колонистов. Их заставили подняться на корабль, но следующий, пусть и не слишком сильный, шторм оказался роковым и для испанцев, и для их пленников.

Наконец, возможен следующий сценарий. Никто на колонистов не нападал, они сами приняли решение уйти в глубь континента и раствориться среди местного населения, чтобы бывшие соотечественники их не нашли. Ничего особенно удивительного в таком решении нет. Елизаветинская Англия – отнюдь не рай земной. Для низов – нищета, безземелье, свирепые законы против бродяжничества. Для верхушки – политические интриги и постоянная угроза быть обвиненным в заговоре. Так стоит ли распространять цивилизацию по эту сторону океана? Не лучше ли скрыться от властей, найти приют у дружественных индейцев и жить жизнью вольной и дикой?

Эта последняя версия как будто нашла подтверждение. Много лет спустя индейцы, в ответ на расспросы, рассказы-

вали о белых людях, живших в лесах среди их соплеменников. Впрочем, возможен и некий смешанный вариант. Часть колонистов погибла в результате стихийного бедствия или пиратского нападения, а немногие уцелевшие нашли приют у дикарей. Рассказчики особо отмечали, что среди разделивших с ними жилища англичан была юная девушка. Полагают, это была не кто иная, как Вирджиния Дер.

2. Парадоксы английской работоторговли

*Добро обязано научиться быть товаром и
жить по законам рынка... Я давно живу на свете и
пришла к убеждению, что Добро проигрывает Злу
по всем пунктам из-за того, что не умеет себя
подать – или, если угодно, продать.
Б. Акунин. «Чаепитие в Бристоле»*

По ту сторону песчаного моря

Пустыня Сахара – это своего рода сухопутное море – разделяет африканский континент на две неравные части: Северную Африку, с древнейших времен включенную в орбиту влияния средиземноморских цивилизаций, и Черную Африку, область таинственную и малодоступную для европейцев вплоть до последней трети XIX века. Впрочем, торговые контакты между Европой и Черной Африкой существовали давно. В античные времена их осуществляли финикийцы, в раннем средневековье главным образом арабские купцы со стороны Индийского океана. Что до атлантического побережья, то после того как финикийской колонизации пришел конец, сюда время от времени добирались отдельные смель-

чаки, о чем сохранились лишь обрывочные сведения.

В средние века путь к южным областям Африки охраняли суеверия. Еще в VII веке до н. э. экспедиция, снаряженная по приказу фараона Нехо, обогнула континент, двигаясь с востока на запад, и вернулась в Египет через Гибралтарский пролив. Несмотря на это, на закате античности возобладало мнение, что обогнуть Африку невозможно, да и незачем. Авторитетный ученый II века н. э. Птолемей полагал, что дальше на юг лежит дикая и необитаемая пустыня, которая простирается до самого Южного полюса. Ему верили, а содержащийся в трудах Геродота рассказ об имевшей место в старину экспедиции считали сказкой. После гибели античной цивилизации авторитет Птолемея в этом вопросе еще долго оставался незыблемым. Более того, плавание южнее мыса Нон почиталось не только бессмысленным, но и губительным: там начинается «зеленое море мрака», от солнечного зноя морская вода кипит, обшивка корабля и паруса загораются, а всякий белый человек превращается в негра.

Тем не менее, некоторые сведения, указывающие на существование европейской торговли с Черной Африкой в раннем средневековье сохранились. То ли эти неведомые купцы были людьми просвещенными, то ли наоборот слишком невежественными, чтобы читать Птолемея. Редьярд Киплинг, певец британского империализма, в одной из своих новелл (из цикла «Пак с волшебных холмов») очень красочно описывает путешествие, совершенное к берегам Африки

двумя английскими рыцарями времен Вильгельма Завоевателя на корабле викингов.

«По словам Витты, его отец Гутрум доплыл некогда вдоль африканского берега до земли, где люди, не носившие никаких одежд, отдавали золото за железо и стеклянные бусы. Там он купил много золота и слоновьих бивней: туда-то, с помощью Железного Мудреца, и надеялся добраться Витта. Он не боялся ничего – лишь бы добыть себе богатство.

«Отец рассказывал мне, – говорил Витта, – об обширном мелководье, которое тянется на три дня пути, а к югу от того мелководья начинается лес, растущий прямо из моря. Дальше к юго-востоку лежит страна, жители которой носят золото в своих курчавых волосах, но там обитает и множество демонов, которые прячутся на деревьях и разрывают людей на куски. Что вы на это скажете?»

«Золото там или не золото, – отвечал Хью, поглаживая свой меч, – я думаю, что приключение нас ждет веселое. Зададим жару этим твоим демонам!»

«Какое там веселье! – кисло отозвался Витта. – Я всего лишь бедный морской разбойник и не стану рисковать жизнью ради веселья и приключений. Вернуться бы мне обратно в Ставангер, обнять жену, и ничего больше не надо. С кораблем управляться потруднее, чем с женой или со скотиной».

И он встал над гребцами, всячески понося их за слабосилие и непомерное обжорство. Таков был Витта. Но притом – смел в бою, точно волк, и хитер, как лиса.

Трое суток нас относил штормом на юг, и все эти три дня и три ночи Витта не выпускал из рук кормового весла, направляя корабль сквозь бурное море. Когда волны поднялись слишком уж высоко, он велел вылить за борт бочонок с китовым жиром, и это чудесным образом успокоило море вокруг нас. Тогда он развернул ладью против ветра и бросил плавучий якорь – несколько связанных вместе весел. Этому приему научил его отец Гутрум. Так нам удалось кое-как продержаться до конца шторма. Витта прекрасно знал корабельное дело. Он читал «Ладейную книгу» воительницы Хлаф, грабившей берега Египта. Знал он и «Лечебник» Бальда, мудрейшего врачевателя на свете.

Когда буря стихла, мы увидели невдалеке огромную гору, пронзающую облака своей снеговой сверкающей вершиной. У подножия той горы растет трава, отвар из которой лечит десны и распухшие лодыжки. Мы провели там восемь дней, покуда люди, одетые в звериные шкуры, не стали бросать в нас камнями. На полпути между Островом Горы и побережьем Африки, лежащим к востоку, сделался штиль и стояла такая жара, что Витте пришлось соорудить полотняный навес для гребцов. Африканский берег был песчаным, мы плыли вдоль него на расстоянии трех выстрелов из лука. Видели китов и еще других рыб, имеющих форму щита, но длиннее, чем наша ладья. Некоторые из них спали, иные угрожающе разевали перед нами свои пасти, а иные плясали на блестящей глади моря. Вода, в которую мы опускали ладони, каза-

лась горячей, и небо было затянуто жарким тусклым маревом, сквозь которое сеялась какая-то тонкая пыль, убелявшая по утрам наши волосы и бороды. Видали мы и рыб, летавших по воздуху, как птицы. Порой они падали прямо на колени гребцам; мы жарили их и ели, когда высаживались на берег...

Слева от нас желтела суша, справа пенилось седое море. Работы хватало всем: я сам, несмотря на свое рыцарское звание, помогал гребцам, я сушил морские водоросли и перекладывал ими горшки с бусами, чтобы они не разбились. Рыцарская удадь хороша на земле, а на море человек — лишь всадник без шпор на коне без поводьев. Я научился вязать узлы: да, я умел соединить два каната так, что даже Витта едва мог различить место их соединения. Но Хью оказался в десять раз более искусным моряком, чем я. Витта доверил ему весь левый ряд гребцов. Правый ряд был под началом Торкильда из Боркума, воина со сломанным носом в нормандском стальном шлеме. Вдвоем они следили за тем, чтобы никто не ленился на борту. Воистину, как сказал Хью (и Витта рассмеялся на его слова), управлять кораблем было потруднее, чем помещьем.

Мало ли у капитана забот! Нужно было вовремя запастись свежей водой на берегу, а также дикими плодами и травами, а еще песком, чтобы до блеска отдраивать настилы и скамьи. Время от времени, вытащив корабль на какую-нибудь пологую отмель, мы приводили в порядок такелаж, очищали

корпус от выросших водорослей и окуривали каюты тростниковым факелом, вымоченным заранее в соленой воде, как учила мудрая Хлаф в «Ладейной книге»...

Спустя несколько недель мы приплыли к Великому Мелководью, которое, как и говорил отец Витты, тянулось на много-много миль в море. Когда мы наконец миновали его бесчисленные мели и буруны и достигли берега, мы обнаружили там черных и совершенно нагих людей, живших в лесу, — наивных дикарей, которые за один кусок железа давали нам груды плодов, корней и птичьих яиц. Золота у них не было, но они поняли наши жесты (все торговцы золотом прятали его в своих волосах) и показали руками дальше вдоль берега. При этом они издавали какие-то дикие крики и яростно ударяли себя кулаками в грудь, что, несомненно, было дурным знаком...

Шестнадцать дней мы плыли вдоль берега на восток, пока не достигли Морского Леса. Деревья росли прямо из илистого дна, образуя сложные переплетения корней внизу и непроницаемую для дневных лучей кровлю сверху. Множество мутных протоков уводило куда-то в потемки. Мы плыли по длинным извилистым каналам, не зная солнца, и там, где невозможно было грести, проталкивали ладью вперед, цепляясь за стволы и сучья. От воды несло зловонием, и большие светящиеся мухи сильно досаждали нам. Днем и ночью сизый туман стоял над этой трясинной, пагубной и тлетворной. Четверо из наших гребцов заболели лихорадкой,

и их пришлось привязать к скамьям, чтобы они не выпрыгнули за борт, на съедение чудовищам, обитавшим в трясине. Желтый Человек лежал в бреду рядом с Железным Мудрецом и что-то лопотал на своем языке. Лишь капитанская птица чувствовала себя прекрасно. Она сидела на плече Витты, пронзительно крича в обступавшей нас зловещей тишине. Да, страшнее всего была эта тишина...

Мы уже потеряли счет времени среди черных омутов и топей, когда вдруг услышали вдали стук барабана и, двигаясь на этот звук, выплыли в устье широкой коричневой реки и увидели несколько хижин на поляне, окруженной посадками тыквы. Обитатели этой деревушки радушно приветствовали нас, и Витта поскреб у себя в голове (намекая на золото) и предложил туземцам железо и бусы. Они сбежались к кораблю, указывая пальцами на наши мечи и луки – мы всегда вооружались, подходя к берегу. Вскоре они натащали нам из своих хижин много маленьких золотых слитков и золотого песка, а вдобавок – несколько огромных потемневших слоновьих бивней. Весь этот товар они сложили в кучу на берегу, как бы приглашая нас к обмену. При этом они озирались на лес, обступивший деревню, и делали воинственные жесты, указывая на верхушки деревьев. А их вождь или верховный жрец ударял себя кулаками в грудь и скрипел зубами».

Впрочем, Киплинг описывает не конкретное, известное историкам путешествие, а то, что могло бы быть. Активное

документально зафиксированное освоение европейцами западноафриканского побережья начинается в XV веке, и его пионерами были не англичане, а португальцы.

Постепенно африканский берег оброс фортами, но чужаки по-прежнему практически не проникали в глубь Черного континента. Несмотря на то что, казалось бы, каботажное плавание вдоль береговой линии представляет гораздо меньшую сложность, чем путешествие через океан, Африка южнее Сахары оставалась не обжитой европейцами гораздо дольше, чем Новый Свет. Тому есть несколько причин. Природные условия были здесь далеко не столь благоприятны для колонистов, как в Северной Америке, и, в отличие от Южной Америки и Индии, здесь на побережье не было крупных государств, инфраструктуру которых завоеватели могли бы использовать в своих целях, устроив верхушечный переворот или играя на противоречиях уже существующих политических группировок. Сколько-нибудь серьезные государственные образования имелись лишь в глубине континента, защищенные от пришельцев мощной полосой суши, где обитали лишь дикие племена, не знакомые с производящим хозяйством, и потому путешественники из Европы испытывали здесь серьезные трудности, когда им требовалось пополнить запасы продовольствия. Наверное, это не послужило бы непреодолимым препятствием, если бы европейцы проявили настоящую заинтересованность. Но, как мы

увидим, африканский континент в большинстве случаев доставлял все, что требовалось пришельцам, руками самих африканцев. Правда, начиная с XVII века выходцы из Голландии активно обживали южную оконечность материка. Климат здесь был почти европейский, а мыс Доброй Надежды являлся важнейшим пунктом на пути в Индию, так что основанный здесь в 1652 году город Капстад, позже переименованный англичанами в Кейптаун, быстро превратился в весьма цивилизованный порт, но еще в начале XVIII века белые контролировали здесь лишь небольшую область радиусом 50–70 километров. Даже при наличии цепочки прибрежных фортов промежуточными пунктами для кораблей, направлявшихся к мысу Доброй Надежды, чаще служили атлантические острова: Тенериф, Мадейра, остров Святой Елены.

«Черная слоновая кость»

Если физически европейцы мало проникали в глубь Черной Африки, это не означает, что туда не проникало европейское влияние. Важные политические и экономические изменения, происходившие в большом мире, изменяли и структуру африканских обществ. Увы, часто не лучшим образом. Более того, случалось, что по мере роста социально-экономического влияния Европы физическое присутствие европейцев в сердце Африки сокращалось, потому что в нем отпадала потребность. Известный историк-экономист Фернан Бродель в своей книге «Время мира» написал по этому поводу следующее: «В конце XVI века в Сан-Сальвадоре, столице Конго, имелось более ста португальских купцов и добрая тысяча искателей приключений того же происхождения. Впоследствии размах дел сократился, мелкие роли уступили африканским посредникам и комиссионерам, в частности мандингам, обозначавшимся родовым названием меркадорш (mercadores), и сотрудам вспомогательным, метисам и черным, именовавшимся помбейруш (pombeiros). Эти последние, кем бы ни был хозяин, на которого они работали, более жестоко эксплуатировали своих братьев по расе, нежели белые».

Трудно точно определить ту временную грань, с которой главным товаром, вывозимым из Африки, стало не золото,

не страусиные перья, не камедь и даже не слоновая кость, а чернокожие невольники. Изначально торговля рабами, видимо, была здесь органичной частью торговли вообще, так как институт рабовладения, очевидно, был знаком африканским племенам. Как писал тот же Фернан Бродель, рабство было здесь эндемичной повседневной структурой. Хотя он сетовал на отсутствие у нас сколько-нибудь достоверных сведений об африканских обществах, какими они были до того, как вошли в соприкосновение с чужеземцами.

Начало массовому вывозу невольников положили арабские купцы, снабжавшие этим товаром сначала халифат, а потом Османскую империю, а также Индию. По оценке известного историка А. Мэддисона, общая численность негров, доставленных за весь период торговли ими на разные рынки мира, составляет 22 млн 713 тыс. человек. Из них приблизительно 1/3 невольников была переправлена до 1500 года.

Впрочем, тут мы опять-таки сталкиваемся с недостатком сведений. Выше была приведена точка зрения Мэддисона, но оценки разных специалистов сильно разнятся. Предполагаемое число невольников, вывезенных из Африки за все время активной работорговли в этом регионе, колеблется в пределах 10–50 млн человек.

Арабская работорговля по понятным причинам тяготела к восточному побережью. В Западной же Африке работорговля приобрела промышленные масштабы после откры-

тия европейцами Америки. Именно плантации Нового Света, отчаянно нуждающиеся в рабочей силе, стали главными потребителями «черной слоновой кости». Переход корабля через Атлантику с трюмом, набитым рабами, и продажа их на плантации Нового Света были лишь одним из элементов «подсистемы западной экономики», как часто характеризуют африканскую работорговлю. Корабли, задействованные в этом процессе – португальские, английские, испанские, голландские или французские – занимались, как выражаются современные исследователи этой проблемы, «треугольной торговлей». То есть их маршрут описывал треугольник: из какого-нибудь европейского порта судно отправлялось к Атлантическому побережью Африки, оттуда в Вест-Индию, а затем возвращалось в Европу. В каждой из вершин треугольника купец получал прибыль. В европейских портах Нанте, Ливерпуле, Амстердаме на борт брали дешевые ткани, железные изделия, медную и стеклянную посуду, разноцветные стеклянные бусы, крепкие спиртные напитки, ножи, огнестрельное оружие, порох. Все это везли в Африку и меняли на черных невольников. Затем работорговец отправлялся в Новый Свет и сбывал там этот товар. На вырученные деньги закупались колониальные товары: сахар, табак, индиго, хлопок. Их везли в европейские порты, чтобы в свою очередь продать. Часть прибыли шла на закупку новых европейских товаров для Африки. Как видим, система была очень рациональной, в ее исправном функционировании были заинте-

ресованы не только вест-индские плантаторы, но и западно-европейские ремесленники, а потом промышленники. И хотя это звучит цинично, эта же система до поры до времени способствовала бурному, хотя и извращенному развитию африканских обществ. Ведь «товар» добывали и поставляли главным образом сами африканцы. Делом пришельцев было лишь назначить достаточно привлекательную цену. Государства внутренних районов отправляли на побережье тысячи рабов, связанных друг с другом кожаными ремнями. «Торговля невольниками, – писал известный африканист Филипп Кертин, – это подсистема атлантической экономики, но она также и подсистема большой модели западноафриканского общества, его образа действий, его религии, его профессиональных стандартов, его собственного самосознания и еще многого другого». Сначала продавали тех, кто и раньше числился в рабах, потом, чтобы разжиться ценным живым товаром, стали устраивать регулярные набеги на соседей. Если соседи не ловились, могли подсунуть работорговцу ненужных родственников. Кончилось тем, что продавали всех кого можно и кого нельзя. Король Конго сетовал, что «воры и люди без совести похищают сыновей нашей знати и наших васалов, подталкиваемые иметь португальские изделия и товары, до коих они жадны». Но не сам ли он подтолкнул своих подданных к подобному образу действий?

Фернан Бродель писал: «Работорговля, непомерно развившаяся под влиянием американского спроса, потрясла

весь Черный континент. В отношениях внутренних районов и побережья она сыграла двойную роль: ослабляя, ввергая в упадок крупные государства внутренних областей – Мономотапу, Конго – и, напротив, благоприятствуя натиску мелких государств-посредников, расположенных вблизи побережья, своего рода маклеров, которые снабжали европейских купцов невольниками и товарами... Черная Африка была более глубоко порабощена этим процессом, чем то утверждали историки в недавнем прошлом. Европа пустила свои корни в самое сердце континента, далеко за пределы своих прибрежных позиций, островов – перевалочных пунктов, пришвартованных и гниющих на месте судов или же обычных пунктов работоторговли, или фортов (первый из них, самый знаменитый, Сан-Жоржи-да-Мина, построенный португальцами на Гвинейском побережье в 1482 году). Эти португальские форты, затем голландские, английские или французские, которые так дорого было содержать, служили защитой от возможных нападений негров и против налетов конкурентов. Ибо белые, игравшие в одну и ту же торговую игру, при всяком случае рвали друг друга в клочья, захватывали форты соперников, вели военные действия, активные, если и не успешные, вне пределов крупных конфликтов».

Джон Хокинс и другие

Английское проникновение в Западную Африку началось в 50-е годы XVI века, в царствование Генриха VIII, с экспедиций Томаса Уиндома и Джона Лока. Тогда англичане впервые дошли до Бенина и поставили под сомнение монопольное право Испании и Португалии на торговлю и основание колоний. Увы, многие английские мореходы, прославившиеся отвагой в морских сражениях и совершившие выдающиеся географические открытия, имеют не слишком удобную для их восторженных почитателей деталь биографии – в числе прочего они занимались и работорговлей. Взять хотя бы знаменитую династию Хокинсов, купцов из Плимута.

Будучи официально частными лицами, не состоящими на государственной службе, Хокинсы, тем не менее, сыграли важную роль в процессе становления Британии как морской державы в XVI веке. Наиболее яркими представителями этой династии стали Уильям Хокинс-старший, его сыновья Уильям-младший и Джон, а также внук Ричард. Деятельность семьи Хокинсов, превратившей Плимут в один из важнейших портов Англии, отражает разные этапы развития английского флота: торговые экспедиции в Африку и Бразилию, попытки торговли с испанскими колониями в Вест-Индии, пиратские рейды, преобразование королевского флота, военные экспедиции. Наибольшую известность приобрел

второй сын старого Уильяма Джон (1532–1595). Когда умер отец, Джону было 21 или 22 года. Старший брат занялся делами компании в Плимуте, а Джон продолжил свою деятельность в качестве капитана торгового судна.

Как раз в это время благодаря не слишком удачному союзу с Испанией, заключенному королевой Марией Кровавой, Англия оказалась втянута в войну с Францией и потеряла Кале, который был одним из основных центров сбыта английских товаров в Европе. Для английских торговцев стало жизненно необходимым осваивать новые рынки.

К концу 1550-х годов Джон Хокинс смог организовать торговлю с Канарскими островами, принадлежавшими Испании. Здесь ему удалось наладить хорошие связи с местными жителями, многие из которых были вовлечены и в торговлю с заокеанскими колониями. Общаясь с ними, он узнал много полезного о вест-индской торговле и утвердился в мысли, что наибольшую прибыль сулила торговля невольниками.

Это не было абсолютно новым бизнесом для семьи Хокинсов. «Треугольный маршрут» был им знаком и раньше. Еще Уильям-старший торговал с Гвинейским побережьем. Именно здесь собирался добывать невольников и Джон, переправляя их затем в Вест-Индию, где испанские колонисты нуждались в рабочей силе для плантаций и рудников и готовы были выложить за хорошего раба большие деньги. Джон Хокинс не придумал ничего нового, но придал старому се-

мейному бизнесу небывалый прежде размах и солидность. Вернувшись в начале 1560-х годов в Лондон, он организовал акционерное общество, в состав которого вошли Бенджамин Гонсон, казначей флота и тесть Хокинса, сэр Уильям Винтер, инспектор флота, сэр Лайнел Дакет и сэр Томас Лодж, магнаты Сити. Общество выделило Хокинсу средства на снаряжение кораблей общим водоизмещением в 260 тонн и 100 человек экипажа. Средства не бог весть какие, но Джон рассчитывал, что успех первой экспедиции заставит компаньонов выделить больше средств в будущем. В октябре 1562 года Джон Хокинс вышел из Плимута во главе небольшой эскадры, состоявшей из трех кораблей: 120-тонным «Соломоном» под командованием самого Хокинса, 100-тонным «Своллоу» под командованием Томаса Хэмптона и 40-тонного «Джонаса». Суммарно экипажи трех кораблей не превышали ста человек. Добрый друг Хокинса Педро де Понте, генуэзец с Канарских островов, снабдил его опытным лоцманом и рекомендательными письмами к знакомым в Вест-Индии.

В районе между Зеленым Мысом и Сьерра-Леоне Хокинс перехватил 5 или 6 португальских кораблей, перевозивших до 900 негров и товары на сумму 32 тысячи дукатов. Последний большой корабль с 500 неграми и неизвестным количеством товара на борту он принудил сопровождать его в дальнейшем путешествии. Нельзя с уверенностью утверждать, силой ли заставил Хокинс португальцев участвовать в его предприятии или они присоединились к нему добро-

вольно, ведь донесения о нападениях англичан могли быть составлены для формального оправдания действий капитанов португальских судов. Согласитесь, весьма подозрительно, что ни один человек при этом не пострадал, а все корабли впоследствии были возвращены их владельцам. Такие отношения пиратов с теми, кто должен был служить им добычей, на первый взгляд кажутся странными, и на них стоит остановиться подробнее.

В то время Севильская торговая палата официально держала монополию на торговлю с Испанской Америкой, но находилось много желающих ее нарушать. Причем не только со стороны иностранных торговцев, но и со стороны испанских поселенцев. Севильская торговая палата не справлялась, она была не в состоянии удовлетворить стремительно растущие потребности за океаном, то есть сложилась очень благоприятная ситуация для процветания контрабанды. «Колонисты испытывают великую нужду, и ни денежных штрафов, ни наказаний недостаточно, чтобы отвратить их от тайных покупок того, в чем они нуждаются. Фактически они совершают свои покупки так, чтобы об этом никто ничего не узнал, ибо они покупают ночью, покрывая друг друга, и нет никакой возможности помешать им в этом», – говорилось в официальном донесении испанским властям. Власти, в свою очередь, были обязаны подобные поползновения пресекать и пресекали, но нередко были случаи, когда английские контрабандисты заставляли испанцев покупать у них груз, угро-

жая в противном случае высадить боевой десант. Иногда это был агрессивный маркетинг в чистом виде, вроде современного: «Если вы не купите нашего плюшевого медведя, ваш компьютер будет атакован!» Но могли быть и более хитрые расклады. Случалось, испанские губернаторы встречали подобные проявления насилия не без удовольствия. Они получали свою долю прибыли или нужный им товар, а когда приходило время отчитываться перед заокеанским начальством, разводили руками: «Ну что мы могли сделать? Нас заставили!» В подобной ситуации португальские работорговцы могли рассчитывать, что они гораздо быстрее сбудут с рук свой товар, пользуясь поддержкой английской эскадры, и выгоды это сулит такие, что можно и поделиться. Во всяком случае договориться лучше, чем драться. Но для начальства нужно оправдание: они ни с кем не договаривались, а подверглись пиратскому нападению. Судя по всему, изобретателями такого способа вести дела были именно Хокинсы.

В своей первой экспедиции в Вест-Индию Джон Хокинс посетил три испанских порта на северном побережье: Изабеллу, Пуэрто-Плата и Монте-Кристи. Он менял рабов на колониальные товары: жемчуг, имбирь, сахар, шкуры и так далее. Но вскоре об этом узнали испанские власти. Они направили войска под командованием Лоренсо Бернальдеса с приказом схватить или уничтожить нарушителей. Если верить донесению, составленному самим Бернальдесом, ему удалось захватить двоих англичан. Он начал переговоры и

встретился с руководителем экспедиции, который заявил, что его корабли попали сюда из-за непогоды. В конце концов Бернальдес якобы обменял двоих пленников на рабов, которых затем раздал местным плантаторам. После этого англичане покинули остров. Все действия испанцев оказались на удивление бескровными, и это наводит на мысль, что в действительности обе стороны имели с этой встречи неплохой навар.

В целом предприятие оказалось довольно прибыльным, и летом 1564 года Джон Хокинс начал подготовку новой экспедиции. В этот раз к предприятию присоединилась сама Елизавета I, и это несмотря на то, что за год до этого она получила протест от испанского посланника, требовавшего пресечь наглые действия капитана Хокинса. Королева предоставила для экспедиции один из своих старых кораблей – «Иисус из Любека». Она всегда стремилась принимать участие в выгодных предприятиях, предоставляя небольшие суммы или старые корабли королевского флота, потеря которых не нанесла бы сильного ущерба казне или флоту. Это позволяло окупить содержание военных кораблей в мирное время. Хокинс получил разрешение использовать на своих кораблях королевский штандарт. 18 октября 1564 года он во главе эскадры из четырех кораблей: «Иисус из Любека» (водоизмещением 700 тонн), «Соломон» (120 тонн), «Тайгер» (50 тонн), «Своллоу» (30 тонн) – и 150 человек экипажа вышел из Пли-

мута. (Видимо, другой корабль, под таким названием «Своллоу» участвовал в первой экспедиции, этим, скорее всего, можно объяснить разницу водоизмещения судов в источниках.)

Итак, в Англии бизнес Хокинса фактически узаконили. Впрочем, и раньше возражения государственных чиновников вызывало отнюдь не насилие, совершаемое над африканцами, а нарушение прав португальской и испанской короны. Для португальцев почтенный английский купец был пиратом, а для испанцев – контрабандистом. Казалось, у него было больше шансов найти общий язык со вторыми, чем с первыми. Но все вышло иначе. Впоследствии испанский посол де Сильва, проверявший факты, связанные со второй экспедицией Хокинса, докладывал в Мадрид, что «англичане мирно торговали с португальцами и даже устраивали совместные нападения на негритянские поселения, в результате чего и потеряли несколько человек».

На этом этапе развития работоторговли спрос на рабов был чрезвычайно велик, неразработанных ресурсов тоже хватало, а вот посредники были в дефиците. Поэтому, как видим, такой уж жесткой конкуренции между португальскими, испанскими, английскими, французскими работоторговцами не было, по крайней мере, на уровне непосредственных исполнителей. Им всем было выгоднее объединить усилия и потом мирно поделить прибыли. Если в Эскориале, Лондоне, Париже, Лиссабоне и принимали меры против конкурентов,

то имели в виду скорее дальнейшую перспективу развития бизнеса, чем современное положение вещей.

В начале 1565 года вторая экспедиция Джона Хокинса покинула западноафриканское побережье и взяла курс на запад, имея на борту 400 или 500 рабов. В марте англичане достигли Вест-Индии. Хокинс попытался договориться о разрешении на торговлю с губернатором острова Маргарита, но тот категорически отказался. Это был чуть ли не первый случай, когда испанский чиновник с полной серьезностью и ответственностью подошел к исполнению распоряжений, поступавших из Испании, относительно торговли с иностранцами. Получив отказ, Хокинс не стал высаживать десант, а направился к побережью Южной Америки и в начале апреля достиг города Борбурата, губернатором которого был родной племянник его старого знакомого Лоренсо Бернальдеса.

Хокинс заявил, что всегда был верным слугой испанского короля Филиппа, еще с того времени, когда тот был королем Англии (Филипп был женат на Марии Кровавой и до ее смерти считался английским королем). И он, Хокинс, не видит причин, почему ему нельзя продавать рабов и прочие товары подданным Его Католического Величества. Если губернатор не даст разрешения, он обойдется и без него. Бернальдес-младший по зрелому размышлению дал Хокинсу лицензию на торговлю, но вслед за этим произошел серьезный конфликт. Губернатор потребовал уплатить налог с продажи товаров и рабов. Хокинс в ответ на это требование высадил на

берег до 100 вооруженных человек. Итогом конфликта стало компромиссное решение: Хокинс выторговал себе возможность налог не платить, но пообещал снизить цену на товары.

Далее английская эскадра направилась к острову Кюра-сао, а затем к поселению Рио-де-ла-Ача, процветавшему за счет ловли жемчуга. Здесь Хокинс начал переговоры, ссылаясь на лицензию, полученную от губернатора Борбурата. Если же здесь ему откажут в праве торговли, он пообещал использовать силу. В ответ представители испанских властей потребовали от Хокинса снизить цену на рабов в два раза, в итоге разгорелся очередной конфликт. Хокинс вновь высадил на берег 100 человек, испанцы смогли выставить 150 пеших и 15 конных. Тогда Хокинс пригрозил использовать артиллерию. В конце концов этот своеобразный торг завершился ко всеобщему удовлетворению. Сторонам удалось договориться о приемлемой цене за предлагаемые товары. В донесениях же метрополии сообщалось не о торговых сделках, а о выкупе, который пришлось уплатить, чтобы спасти поселение от разорения, а верных подданных его величества Филиппа II – от жестокого истребления, англичане представлялись в качестве обычных пиратов. Так было удобнее всем. Ну а почему после подобных «нападений» страшные морские разбойники всякий раз оставляли на берегу невольников, объясняли по-разному. Испанцы народ с воображением.

Посетив затем Ямайку, Флориду и Ньюфаундленд,

Хокинс возвратился в сентябре 1565 года. По сведениям испанского посланника де Сильвы, доход этого предприятия составил 60 процентов.

В следующем году Джон Хокинс приступил к подготовке третьей экспедиции. Узнав об этом, де Сильва подал жалобу королеве. Хокинс вынужден был дать слово, что в этом году он в Вест-Индию не пойдет. И в некотором смысле он это слово сдержал: четыре корабля, принадлежащих семейству Хокинсов, вел капитан Джон Ловелл, а Джон Хокинс остался в Плимуте. В этой экспедиции принял участие и молодой Френсис Дрейк, состоявший с Хокинсами в отдаленном родстве. Тогда он еще не прославился в качестве участника сражения с «Непобедимой армадой» и не совершил второго в истории кругосветного путешествия.

Специфика деятельности капитана Ловелла заключалась в том, что он не захватывал и не закупал негров на африканском побережье, а подстерегал в море португальские суда, груженные в том числе и невольниками. В районе островов Зеленого Мыса англичане захватили корабль с воском, слоновой костью и рабами. Еще два корабля с сахаром и невольниками были захвачены близ острова Сантьягу, а еще два — у острова Маяу.

После этого часть захваченных ценностей отправили в Англию, а рабов повезли на продажу в Вест-Индию — и это было первое посещение Нового Света будущим покорителем морей Френсисом Дрейком. Перед тем как англичане

прибыли в знакомое поселение Рио-де-ла-Ача, им удалось захватить двух испанских торговцев. Отобрав у них все наличные деньги, они отдали им 26 рабов и отпустили. Но это оказалась последней удачей. На этот раз с испанцами то ли вовсе не удалось договориться, то ли те своих английских контрагентов облапошили. Что произошло в точности, неизвестно, но Ловелл покинул Новый Свет, оставив на берегу 90 невольников, за которых не получил плату. Экспедиция в целом не была убыточной, но Хокинсы остались недовольны уровнем доходов.

Тем временем в Эскориале пришли к выводу, что с контрабандным ввозом рабов в испанские колонии надо бороться жестче. В связи с этим был отдан приказ об аресте Алонсо Бернальдеса, губернатора Борбураты и давнего торгового партнера Хокинсов, а контрабандистов-работоторговцев решили приравнять к тем, за кого они себя выдавали – к настоящим пиратам. Но к тому времени английские купцы уже вошли во вкус, и крутые меры не ослабили их деловую активность.

В 1567 году братья Хокинсы активно готовили новую экспедицию, как они утверждали, в Гвинею, для поисков месторождений золота. В это время в Англии как раз появились два португальца, которые утверждали, что знают, где расположена золотоносная жила на африканском побережье, и что она не принадлежит ни одному христианскому государю. Королева выделила для этой экспедиции 2 корабля: «Иисус из

Любека» и «Миньон» (водоизмещением 340 тонн). Помимо этих кораблей, в эскадру вошли «Уильям и Джон» (150 тонн), «Своллоу», «Джудит» (50 тонн) и «Энджел» (33 тонны). Капитаном «Джудит» был Френсис Дрейк. При испанском дворе к официально объявленной цели готовящейся экспедиции отнеслись с большим недоверием, и Сильва развил в связи с этим бурную деятельность. Елизавета пыталась успокоить испанского посланника, а тем временем парочка португальцев, из-за которых сыр-бор разгорелся, исчезла в неизвестном направлении, и подготовленную эскадру решили использовать для работоргового рейса. Приняли ли англичане историю о гвинейском золоте за чистую монету или с самого начала сочинили сказочку для Филиппа II, тайна сия покрыта мраком, но, между прочим, золотые месторождения в Гвинее действительно есть. Во второй половине XVII века, в царствование Карла II, их активно разрабатывали, но работорговля все же оставалась делом более прибыльным.

По дороге к африканскому побережью англичане завладели португальской каравеллой водоизмещением в 150 тонн, кроме того, к эскадре Хокинса присоединились французские пираты, промышлявшие в этом регионе. 18 ноября 1567 года эскадра Хокинса прибыла к Зеленому Мысу. На африканское побережье высадилось 150 человек, но дело оказалось не таким простым, как думалось. Рабов удалось поймать совсем немного, при этом многие англичане были

ранены отравленными стрелами. К январю удалось захватить всего 150 негров. Англичане уже было собирались совсем прекратить экспедицию, когда к ним обратился один из местных правителей, предложивший за помощь в войне передать всех пленников англичанам. Союз был заключен. Вместе с африканским царьком Хокинс атаковал крупное африканское поселение с воды и с суши. Сам бы он на подобную операцию не решился, но совместных сил оказалось достаточно. Штурм прошел успешно. Англичане захватили 250 человек, их африканские союзники – еще 600. Но оказалось, Хокинс проявил излишнюю доверчивость: обманув союзников, местный царек ушел ночью, забрав пленников с собой.

Преследовать мошенника не было никакой возможности, тем более что англичане все равно остались не в накладе. Вместе с ранее добытыми пленниками они теперь имели около 400 человек на продажу. С этим уже можно было направляться в Вест-Индию. 27 марта 1568 года они достигли острова Доминика. Хокинс разделил свою эскадру на две части. Сам он повел большую часть кораблей к Борбурате, а Дрейк во главе двух кораблей направился к Рио-де-ла-Ача.

В Борбурате уже не было Бернальдеса, а старые знакомые в Рио-де-ла-Аче были напуганы его участием, но Хокинс как ни в чем не бывало отправил гонца к новому губернатору с просьбой разрешить ему торговать и успел заключить немало сделок, прежде чем получил однозначный запрет. После

этого вполне удовлетворенный полученной прибылью торговец поднял якорь и отправился на встречу с Дрейком.

О своем пребывании в Рио-де-ла-Аче Хокинс рассказал следующее: «...мы овладели городом силой, что нам пришлось сделать (так как мы не могли завоевать его благосклонностью), прорвавшись с двумя сотнями человек сквозь его бастионы, потеряв только двух человек и не убив ни одного испанца, ибо, дав один залп, они все сбежали». После этого торговля все-таки началась, испанцы купили 200 рабов и получили еще 60 бесплатно в возмещение причиненного ущерба. В метрополию, словно в прежние времена, сообщили, что средства, отданные англичанам, являлись выкупом за город и церковь. Казалось, политика «завинчивания гаек» со стороны Эскориала не привела ни к чему.

Англичане уже собирались домой, но на обратном пути они попали в затруднительное положение. 12 августа их застиг сильный шторм, и самый крупный корабль эскадры, к тому же принадлежащий королеве, «Иисус из Любека», был сильно поврежден. Не желая возвращаться без королевского корабля и флагмана эскадры, Хокинс решил зайти в порт Сан-Хуан-де-Улуа, морские ворота города Мехико для ремонта, но у него не было уверенности, что в испанском порту его встретят с распростертыми объятиями. Чтобы обеспечить лояльность испанцев, англичане захватили по дороге три испанских корабля с сотней пассажиров, которые должны были служить заложниками.

Поначалу все складывалось удачно. Англичане не только вошли в порт, но и взяли его под свой контроль. Там имелись значительные материальные ценности, но, как рассказывал Хокинс, «хотя все это было в моих руках, как и весь остров, как ранее пассажиры захваченных кораблей, я не взял ни пенни». Мы, однако, не беремся судить, можно ли доверять этому утверждению английского капитана.

Удача, поначалу благоволившая Хокинсу, вскоре повернулась к англичанам спиной. Спустя несколько дней в Сан-Хуан-де-Улуа прибыла испанская эскадра. Само по себе это обстоятельство не было роковым, но пока понадеявшийся на свои силы Хокинс вел переговоры, власти стянули к городу войска. Англичане вырвались из гавани с огромными потерями, лишившись не только «Иисуса из Любека», но и всех своих кораблей, кроме двух. Плененные испанцами контрабандисты были осуждены и приговорены к галерам или сожжению на костре.

Таким образом, помощь английского правительства и влиятельных сановников, стоявших за Хокинсом, не помогла англичанам наладить торговлю с испанской Вест-Индией. Но проваленная операция не слишком пагубно сказалась на его карьере. Период мирных англо-испанских отношений первых лет правления Елизаветы заканчивался. В 1571 году Хокинс был признан лучшей кандидатурой на пост мэра Плимута, а в 1577-м стал казначеем флота. Благодаря его стараниям были отремонтированы старые и построены но-

вые корабли. Английский флот усиливался накануне неизбежно надвигавшейся англо-испанской войны. В 1588 году, во время разгрома «Непобедимой армады», Хокинс был третьим по рангу в командовании английским флотом и наряду с другими капитанами, проявившими себя во время сражения, был возведен в рыцарское достоинство на борту флагмана «Арк Ройял». Он умер от малярии в 1595-м во время неудачной военной экспедиции, целью которой было установление британского контроля над Канарскими островами.

Виргиния Вторая

Переход англо-испанских отношений в стадию открытой конфронтации, помимо всего прочего, означал, что впредь Англия не была намерена довольствоваться неверной выгодой от торговли с испанскими заокеанскими поселениями. Ей нужны собственные колонии, в которые можно было без помех сбывать африканских рабов и товары метрополии и откуда можно было бы вывозить продукты труда плантационных рабов. О первой попытке создать британскую колонию на острове Роанок мы уже рассказывали подробно. А других заокеанских поселений англичане в царствование королевы-девственницы не основали, но все же заложили мощные основы будущей экспансии.

Преемника Елизаветы короля Якова I Стюарта часто обвиняют в снижении внешнеполитической активности. В частности, его упрекали в том, что в 1620 году он оставил без поддержки инициативу основанной за двадцать лет до этого Ост-Индской компании, пытавшейся взять под контроль Столовую бухту в районе мыса Доброй Надежды, чтобы иметь надежный опорный путь на пути в Индию. Возможность колонизировать Южную Африку Яков в самом деле упустил. В 50-е годы XVII века там обосновались голландцы, но попытки создания колоний по ту сторону Атлантики в царствование первого Стюарта предпринимались.

В апреле 1606-го Яков I пожаловал двум акционерным компаниям, Лондонской и Плимутской, хартии, по которым им предоставлялось право на колонизацию восточного побережья Северной Америки между 34° и 45° северной широты. Владения первой компании находились на юг от 41° , а второй – на север от 38° с. ш. Территория, заключенная между ними, подлежала совместному заселению после освоения главных владений. Эта новая британская колония получила старое имя Виргиния, сохранившееся до наших дней как название американского штата.

Король считался суверенным хозяином всей земли колоний. Для общего руководства заморскими территориями он назначил Виргинский совет, куда входили представители обеих компаний. Главный источник будущих богатств колонисты видели в добыче драгоценных металлов, при этом компании обязаны были отчислять казне пятую часть добытых в колониях золота и серебра, а также наделять поселенцев землей от имени короля.

Будущие поселенцы были объявлены полноправными подданными английской короны, но едва ли это соответствовало реальному положению вещей. В первые годы основания колоний им полагалось работать совместно, отдавая компании все произведенные товары и получая за свой труд продукты и все необходимое из складов, содержимое которых распределялось Советом колонии.

Первые поселенцы будущей колонии достигли Америки

в апреле 1607 года, среди них был и Джон Смит, тот самый, что получил романтическую известность среди широкой публики как возлюбленный туземной принцессы Покахонтас. В более солидных академических кругах его знают как автора одной из первых хроник, повествующих о заселении Америки англичанами.

17 апреля будущие колонисты сошли на берег. «Этой же ночью, – записано в хронике, – был открыт ларец и прочитан приказ, согласно которому Бартоломео Госнолд, Джон Смит, Эдвард Уингфилд, Кристофер Ньюпорт, Джон Рэтклиф, Джон Мартин и Джордж Кэндалл назначались членами Совета и им следовало избрать президента на один год, с которым Совет и должен был управлять. Текущие дела должны были обсуждаться Советом. А решения приниматься большинством голосов при наличии у президента лишнего голоса». Как видим все было задумано очень демократично, но между колонистами с самого начала возникли раздоры. Избранный президентом Уингфилд что-то не поделил с Джоном Смитом и добился его исключения из Совета.

Впрочем, поначалу все шло не так уж плохо. 14 мая выбрали место для поселения, которое называли Джеймстауном (Джеймс – английский вариант произношения имени Иаков). «Теперь, – писал Джон Смит, – каждый приступил к работе: Совет планировал расположение форта, остальные рубили деревья, расчищая место для палаток; некоторые ремонтировали корабли, другие обрабатывали землю, готови-

ли сети и т. д. Дикари часто посещали нас, выражая свое дружелюбие». Но идиллии не получилось. Место, избранное для поселения, оказалось сырым и малярийным. Хорошей питьевой воды поблизости не было. А главное, не было единства между колонистами. Согласно хрестоматийной версии, главный конфликт разгорелся в связи с тем, что верхушка колонистов во главе с президентом уклонялась от простой физической работы, считая своей обязанностью лишь управлять процессом. Смит же полагал, что на новой земле, где ничего еще не приспособлено для привычной жизни, все должны в равной степени нести трудовую повинность. Кроме того, он настаивал на том, что первоочередной задачей является укрепление поселка, а не его благоустройство.

Дальнейшие события подтвердили правоту Смита в этом вопросе. Отношения с индейцами вскоре испортились, и на Джеймстаун было совершено нападение: 1 человек был убит, 17 ранено. Только после этого прискорбного случая Уингфилд согласился на то, чтобы форт был окружен палисадом, орудия установили должным образом, а людей при них как следует обучили и проинструктировали. Тогда же Смита вновь ввели в состав Совета колонии, а президента оштрафовали на 200 фунтов в пользу его противника.

Однако это мало что изменило в жизни колонистов, Смит оказался далеко не единственным недовольным. Вскоре Уингфилд докладывал правлению компании: капитан Кэндалл был выведен из Совета и посажен в тюрьму, поскольку

стало совершенно очевидно, что он сеял вражду между Советом и президентом. Чуть позже Смит записал в своих записках: «Капитан Уингфилд довел дело до того, что все его ненавидели, а потому, со всеобщего согласия, он был снят с поста президента. Избрали – в соответствии с его поведением – капитана Рэтклифа». Там же он пишет: «Из-за раздоров Бог, разгневавшись на нас, обрушил такой голод и болезни, что живым едва достало сил хоронить мертвых». Зерно и мука сгнили от сырости, а охота и рыболовство не были достаточным подспорьем в этих не знакомых европейцам местах. Видимо, Смит принадлежала спасительная мысль наладить меновую торговлю с индейцами. Продовольствие выменивали на железные топоры и тому подобные изделия. Правда, имеются сведения, что в ряде случаев индейцы отдавали кукурузное зерно в обмен на заложников или за захваченный у них тотем.

Во время одной такой экспедиции Джон Смит попал в руки туземцам. Тогда-то и имел место растиражированный ныне массовым искусством эпизод – спасение пленника юной Покахонтас. Позже отец Покахонтас, могущественный вождь индейцев-алгонкинов, был коронован по приказу Якова I как вассальный государь, что дало повод именовать его дочь принцессой.

Вылазки Смита на какое-то время спасли колонию, но не положили конец раздорам. Получив продовольствие, кое-кто задумал бежать из Джеймстауна на корабле. Зачинщи-

ком заговора посчитали капитана Кэндалла, и он был казнен по обвинению в пособничестве Испании: якобы он намеревался искать покровительства испанских властей и выдать им английские планы колонизации Нового Света. Сейчас, по прошествии стольких лет, едва ли можно установить, насколько справедливы были эти обвинения.

Осенью 1608 года с поста президента был смещен Рэтклиф, его место занял Смит. Согласно сложившейся в Соединенных Штатах легенде, это было время мира благополучия и разумного совместного труда, но сомнительно, что легенда полностью соответствует действительности, хотя и на пустом месте она вряд ли бы возникла. С одной стороны, в Джеймстауне в этот период наконец-то соорудили приличный колодец, дававший свежую чистую воду, построили дома и блокгаузы, расчистили и засеяли маисом новое поле, наладили производство стекла. С другой – в колонии не прекращались мятежи и заговоры. Традиционно считается, что главными вдохновителями и виновниками смуты были «неуравновешенные юноши высокого происхождения, но морально испорченные», которые «промотали свое состояние в Англии и бежали от своих кредиторов в Виргинию». Они-то и «внесли разложение в среду привезенных ими колонистов». Возможно, все было именно так, а возможно, и нет. Однако исследователи привыкли смотреть на раннюю американскую историю глазами Джона Смита.

В конце концов переживший несколько покушений на

свою жизнь Смит был смещен с поста президента и осенью 1609 года отправился в Англию. После этого дела в колонии пошли совсем плохо. К весне 1610 года из 500 завезенных к этому времени в Виргинию поселенцев в живых осталось всего 60 – еле двигавшихся, упавших духом, осаждаемых индейцами, непрерывно ссорившихся. Так бесславно закончился «демократический» период колонизации. Вскоре от выборного президента отказались, и из Англии прислали губернатора с широкими полномочиями, а Совет колонии превратился в совещательный орган. К этому времени роль Плимутской компании сошла на нет, а активно развивающуюся Лондонскую стали именовать Виргинской компанией, под этим именем она и вошла в историю.

Белые рабы Нового Света

В колонии постепенно складывалась определенная общественная структура. Собственно, она существовала и раньше, но при избираемом президенте разница в статусе колонистов несколько сглаживалась. Теперь она выступила со всей рельефностью. Высший слой общества Виргинии составляли члены колониальной администрации во главе с губернатором, средний слой – немногочисленные английские джентльмены, акционеры компании и другие поселенцы, которые сами оплатили свой переезд в Америку. Это было привилегированное сословие. Большинство же составляли так называемые сервенты, прибывшие в Америку за счет Виргинской компании. С ними заключался контракт на определенный срок (7 лет, иногда меньше), в течение которого они обязывались за «достаточно разумное» питание и снаряжение выполнять поручаемую им работу по специальности или любую, предписанную колониальной администрацией. Предполагалось, что после окончания срока контракта каждый из них получит земельный надел. Однако конкретных обязательств компания на себя не брала.

Сервенты рекрутировались главным образом из обезземеленных крестьян, бродяг, а частично набирались из уголовных преступников. Значительная часть колонистов отправлялась в Виргинию против собственной воли или в си-

лу крайней нужды. От обычных рабов их отличал главным образом цвет кожи, да еще едва тлевшая надежда, что когда-нибудь, в далеком и неопределенном будущем, они получат в Америке клочок земли. Но это мало сказывалось на их нынешнем положении. Следуя инструкциям, губернаторы прибегали к драконовским мерам для наведения порядка, стараясь добиться от колонистов максимальных усилий при выполнении ими работ. Какое питание считать достаточно разумным, оставляли на усмотрение администрации. Размещение колонистов в «общем доме», совместный обязательный труд, нормированное распределение продуктов и их постоянная нехватка, страх перед нападением индейцев, заставлявший быть всегда начеку, делали жизнь колонистов в условиях военного поселения практически кааторжной. Охотников ехать в колонию становилось все меньше, но их не спрашивали. На данном этапе колонизации рабский труд себя оправдывал, и его всю использовали. А повод отправить какого-нибудь бедолагу за океан найти было не так уж сложно.

Это был далеко не единственный случай, когда англичане использовали в Новом Свете белых невольников. В течение XVII века широко практиковалась продажа на плантации Вест-Индии осужденных за уголовные и политические преступления. Многие, наверное, помнят, что подобный случай описан в романе Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада»: «Я уже сказал, что несчастья, обрушившиеся на Блада в

результате его посещения усадьбы Оглторп, включали в себя и два обстоятельства положительного порядка: первое, что его вообще судили, и второе, что суд состоялся 19 сентября. До 18 сентября приговоры суда приводились в исполнение немедленно. Но утром 19 сентября в Таунтон прибыл курьер от государственного министра лорда Сэндерленда с письмом на имя лорда Джефрейса. В письме сообщалось, что его величество король милостиво приказывает отправить тысячу сто бунтовщиков в свои южные колонии на Ямайке, Барбадосе и на Подветренных островах. Вы, конечно, не предполагаете, что это приказание диктовалось какими-то соображениями гуманности. Лорд Черчилль, один из видных сановников Якова II, был совершенно прав, заметив как-то, что сердце короля столь же чувствительно, как камень. «Гуманность» объяснялась просто: массовые казни были безрассудной тратой ценного человеческого материала, в то время как в колониях не хватало людей для работы на плантациях, и здорового, сильного мужчину можно было продать за 10–15 фунтов стерлингов. Немало сановников при дворе короля имели основания претендовать на королевскую щедрость, и сейчас представлялся дешевый и доступный способ для удовлетворения их насущных нужд.

В конце концов, что стоило королю подарить своим приближенным некоторое количество осужденных бунтовщиков?

В своем письме лорд Сэндерленд подробно описывал все

детали королевской милости, заключенной в человеческой плоти и крови. Тысяча осужденных отдавалась восьми царедворцам, а сто поступали в собственность королевы. Всех этих людей следовало немедленно отправить в южные владения короля, где они и должны были содержаться впредь до освобождения через десять лет. Лица, которым передавались заключенные, обязывались обеспечить их немедленную перевозку.

...Так случилось, что Питер Блад, а с ним Эндрью Бэйнс и Джереми Питт вместо того, чтобы быть повешенными, колесованными и четвертованными, как определялось в приговоре, были отправлены вместе с другими пятьюдесятью заключенными в Бристоль, а оттуда морем на корабле «Ямайский купец». От большой скученности, плохой пищи и гнилой воды среди осужденных вспыхнули болезни, унесшие в океанскую могилу одиннадцать человек. Среди погибших оказался и несчастный Бэйнс.

Смертность среди заключенных, однако, была сокращена вмешательством Питера Блада. Вначале капитан «Ямайского купца» бранью и угрозами встречал настойчивые просьбы врача разрешить ему доступ к ящику с лекарствами для оказания помощи больным. Но потом капитан Гарднер сообразил, что его, чего доброго, еще притянут к ответу за слишком большие потери живого товара. С некоторым запозданием он все же воспользовался медицинскими познаниями Питера Блада. Улучшив условия, в которых находились за-

ключенные, и наладив медицинскую помощь, Блад остановил распространение болезней.

В середине декабря «Ямайский купец» бросил якорь в Карлайлской бухте, и на берег были высажены сорок два оставшихся в живых повстанца».

Все, что только что прочел читатель, это не художественный вымысел, а исторический факт. После поражения восстания герцога Монмута, внебрачного сына Карла II, пытавшегося захватить английский престол в 1685 году, его сторонники действительно были проданы в рабство в Вест-Индию, и этот случай был не уникален. А якобы вольнонаемные рабочие до такой степени смахивали на невольников, что одно время на Британских островах имела место тайная охота на рабов, пусть и не в тех масштабах, что на Черном континенте. В портовом кабачке какого-нибудь незадачливого молодого человека из простонародья вполне могли схватить и сунуть в трюм, чтобы затем выгодно продать по ту сторону океана. И несчастному было крайне сложно доказать, что с ним поступили незаконно. Именно такая история приключилась в юности с Генри Морганом, знаменитым пиратом, закончившим свою карьеру на посту губернатора Ямайки. Обстоятельства, при которых он попал в Новый Свет, описаны в биографическом романе Стейнбека «Золотая чаша». Это не документальное свидетельство, но талантливый и влюбленный в исторический материал писатель дает нам возможность почувствовать атмосферу эпохи: «Волшебный

гул голосов заворожил юного Генри. Он слышал непонятную речь, кругом было столько нового! Кольца в ушах генуэзцев, короткие, как кинжалы, шпаги голландцев, лица всех оттенков от багрово-красного до коричневого, как дубленая кожа. Он мог бы простоять так весь день, не замечая движения времени.

На его локоть легла могучая ладонь в перчатке из мозолей, и Генри увидел перед собой бесхитростную физиономию матроса-ирландца.

– Не присядешь ли тут, парень, рядышком с честным моряком из Корка по имени Тим? – При этих словах он сильным толчком сдвинул соседа, освободив для юноши край скамьи. По грубой ласковости с ирландцами не сравнится никто. Генри сел, не догадываясь, что честный моряк из Корка успел увидеть его золотую монету.

– Спасибо, – сказал он. – А куда вы плывете?

– Ну, плаваю-то я везде, куда ходят корабли, – ответил Тим. – Я честный моряк из Корка и одним только плох: не звенят у меня монеты в кармане, да и только. Уж и не знаю, как я заплачу за здешний отличный завтрак, ведь в карманах у меня пусто, – добавил он медленно и выразительно.

– Ну, если вы без денег, так я заплачу за вас, только вы расскажите мне про море и корабли.

– Вот я сразу в тебе джентльмена распознал! – воскликнул Тим. – Чуть увидел, как ты вошел... Ну, и глоточек винца для начала? – спросил он и, не дожидаясь согласия Генри,

кликнул служанку, а потом поднес стопку с бурой жидкостью к самым глазам.

– Ирландцы ее называют уйскебо. И значит это «вода жизни»; а англичане – виски. Просто «вода». Да будь вода такой крепкой да и чистой, я бы не на корабле, а в волнах плавал! – Он оглушительно захохотал и единым духом осушил стопку.

– А я в Индии поплыву, – сказал Генри, надеясь, что он опять заговорит про море.

– В Индии? Так ведь и я тоже. Уходим завтра на Барбадос с ножами, серпами и материями для плантаций. Хороший корабль, бристольский, только шкипер человек суровый, а в вере прямо-таки неистовый – он из плимутской общины. Знай, орет про пламя адово, дескать, молитесь и кайтесь, да только, по-моему, очень ему нравится, что кому-то огня этого не миновать. Будь по его, гореть бы нам всем до скончания века. Ну, да я такой веры понять не могу. Коли «Аве, Мария» человек не читает, какая же это вера?

– А... а нельзя ли и мне... поплыть с вами? – спросил Генри прерывающимся голосом.

Простодушные глаза Тима укрылись под веками.

– Будь бы у тебя десять фунтов... – начал он медленно и, заметив, как вытянулось лицо юноши, тут же поправился: – То есть пять, хотел я сказать.

– У меня теперь осталось только четыре полные фунта, – грустно сказал Генри.

– Ну, может, и четырех хватит. Давай-ка мне свои четы-

ре фунта, и я поговорю со шкипером. Он ведь человек-то неплохой, если его веру и чудачества без внимания оставлять. Да не гляди ты на меня так! Ты же со мной пойдешь. Неужто я сбегу с четырьмя фунтами молодого человека, который меня завтраком угостил? – Его физиономия расплылась в широкой улыбке.

– А ну-ка, выпьем за то, чтобы ты поплыл с нами на «Бристольской деве», – сказал он. – Мне стопочку уйскебо, а тебе винца из Опорто!

Тут принесли завтрак, и оба на него накинулись. Утолив первый голод, Генри сказал:

– Меня зовут Генри Морган. А тебя Тим. Но фамилия у тебя какая?

Матрос шумно захохотал:

– Мою фамилию разве что в Корке в придорожной канаве отыщешь. Отец с матерью ждать не стали, чтоб мне свою фамилию сказать. Да и Тимом-то меня никто не называл. Только имечко это вроде как даровое, бери его – никто и не заметит. Ну, как с листками, что сектанты на улицах подбрасывают и деру, чтоб никто их с ними не видел. А Тим – это как воздух: дыши себе, и никому нет дела.

Покончив с завтраком, они вышли на улицу. Там теперь кишели лоточники, мальчишки с апельсинами, старухи со всякой мелочью. Город выкликал тысячи своих товаров. Драгоценности, привезенные кораблями из самых неведомых уголков мира, вываливали, точно репу, на пыльные при-

лавки Кардиффа. Лимоны. Ящики кофе, чая, какао. Пестрые восточные ковры и магические снадобья из Индии, показывающие тебе то, чего на самом деле нет, и дарящие наслаждения, которые рассеиваются без следа. Прямо на улицах стояли бочонки и глиняные кувшины с вином с берегов Луары и со склонов перуанских Анд.

Они вернулись в порт к красавцам кораблям. С воды на них пахло запахом дегтя, нагретой солнцем пеньки и сладостью моря. Наконец вдалеке Генри увидел большой черный корабль с надписью золотыми буквами на носу «Бристольская дева». Рядом с этой морской чаровницей и город, и плоскодонные баржи казались безобразными и грязными. Ее легкие плавные линии, какая-то чувственная уверенность в себе ударили в голову, заставляли ахнуть от удовольствия. Новые белые паруса льнули к реям, точно длинные вытянутые коконы шелковичных червей, а палубы ее сверкали свежей желтой краской. Она чуть покачивалась на медленной зыби, словно горя нетерпением полететь в любой край, нарисованный твоим воображением. Среди скучных бурых судов она была как темнокожая царица Савская.

– Чудесный корабль, отличный корабль! – воскликнул Генри ошеломленно.

Тим был польщен.

– погоди, вот поднимешься на борт, посмотришь, как там все заново отделано, пока я со шкипером поговорю.

Генри остался стоять на шкафуте, а его долговязый спут-

ник пошел на корму и сдернул шапку перед тощим, как скелет, человеком в заношенном мундире.

– Я парня привел, – сказал он шепотом, хотя Генри никак не мог его слышать. – Он решил в Индии отправиться, так я подумал, что, может, вы захотите его взять, сэр.

Тощий шкипер насупил брови:

– А он крепкий, а, боцман? Толк от него на островах будет? Они же прямо как мухи мрут еще в первый месяц. Ну, и жди неприятностей, когда зайдешь туда в следующий раз.

– Он там, позади меня, сэр. Сами посмотрите. Вон он. И сложен хорошо, и силенка есть.

Тощий шкипер оглядел Генри, начав с крепких ног и кончив широкой грудью. Взгляд его стал одобрительным.

– Да, парень крепкий. Хорошо сделано, Тим. Получишь с этого деньги на выпивку и в море добавочную порцию рома. А он что-нибудь знает?

– Ничего.

– Ну так и не говори ему. Поставь помогать в камбуз. Пусть думает, что отрабатывает проезд. Не то хныканью конца не будет. Только вахте помеха. Узнает, когда туда придем. – Шкипер улыбнулся и отошел от Тима.

– Можешь плыть с нами! – воскликнул Тим, и Генри онемел от восторга».

Но торговцы белыми рабами не выдерживали конкуренции с коллегами, промышлявшими на африканском побе-

режье, из-за низкого качества товара. Как доходчиво объяснял главный злодей «Одиссеи капитана Блада» полковник Бишоп: «Эти белые свиньи не умеют работать и быстродохнут в здешнем климате!» Можно также добавить, что их было гораздо труднее держать в подчинении, чем оказавшихся в совершенно чуждой для них обстановке и не имеющих даже единого языка для общения африканцев. И со временем обычай продавать в рабство соотечественников иссяк, и вдобавок к экономической нецелесообразности под его запрещение подвели идеологическую базу в виде расовой теории.

Колониальные рынки

Однако мы забежали вперед и ничего не успели рассказать читателю о том, при каких обстоятельствах Британия получила владения в Вест-Индии, то есть на островах Карибского моря и в Центральной и Южной Америке. «Морские волки Елизаветы» в этих тропических краях бывали, и любимец королевы Уолтер Рэли даже оставил потомкам их любопытнейшие описания, но закрепиться англичанам нигде не удалось. Первые колониальные захваты произошли здесь в конце царствования Якова I (1603–1625) и при его преемнике Карле I (1625–1649). В 1623 году английское поселение было основано на одном из Малых Антильских островов, тогда носивших имя Сент-Кристофер (сейчас он называется Сент-Китс). Его называют матерью английских колоний в Вест-Индии. В 1632 году на Монтессерате, другом острове этого архипелага, возникло поселение английских католиков, бывших не в ладах с англиканской церковью. В 1627–1628 годах первые британские колонисты высадились на Барбадосе. В 1638-м возникло первое английское поселение на территории нынешнего Белиза, до 1973 года известного как Британский Гондурас.

Мощная волна колонизации имела место после английской буржуазной революции в годы правления Кромвеля. Этот процесс продолжался и после Реставрации в царствова-

ние Карла II. Любопытно, что бурные политические события в метрополии сказались на нем очень мало. С 1650 года англичане начали обживать безлюдные острова Багамского архипелага и основали колонию на острове Антилья, принадлежащему к группе Наветренных островов, а в 1655-м отбили у испанцев Ямайку. С 1670 года «остров родников» (так переводится с языка индейцев-араваков название Ямайка) был официально объявлен английской колонией. Тогда же аналогичный статус получили и Каймановы острова. В 1672–1680 годах образовалась колония Британские Виргинские острова. Остров Сент-Люсия начиная с 1650 года был объектом постоянного соперничества между англичанами и французами, переходил из рук в руки 14 раз и окончательно стал достоянием британской короны лишь по окончании наполеоновских войн.

В 1763-м по окончании Семилетней войны под контроль Великобритании перешел остров Тобаго, на котором ликвидировали пиратскую базу; и остров Сент-Висент, сначала принадлежавший испанцам, а потом бывший объектом соперничества между англичанами и французами; остров Доминика. Впрочем, последний французы неоднократно пытались отбить. Сходным образом сложилась и судьба Гренады. Этот остров также был передан британской короне по окончании Семилетней войны, но прежние хозяева долго не могли с этим смириться. В 1797-м флотилия из 18 кораблей под командованием сэра Ральфа Эберкромби захватила принад-

лежащий испанцам малозаселенный остров Тринидад.

В первой трети XIX века Великобритания объединила под своим контролем земли на северо-восточном побережье южноамериканского континента, получившие общее название Британская Гвиана. Во всех перечисленных землях пышным цветом расцвело плантационное хозяйство, требующее рабочей силы.

Расцвет английских колоний самым естественным образом привел к процветанию английской работорговли. Теперь у последователей Джона Хокинса не было проблем со сбытом. Им не требовалось хитрить, скрываться или навязывать свой товар под угрозой пушек. Следует также отметить, что в 1658 году Англия силами своей Ост-Индской компании прибрала к рукам остров Святой Елены. Патент на управление островом был выдан компании Оливером Кромвелем и подтвержден после Реставрации Карлом II. Этот опорный пункт в Юго-Восточной Атлантике сильно облегчал британским кораблям плавание у берегов Африки. На острове Святой Елены не было развитого плантационного хозяйства, его держали на дотациях ради стратегических выгод. Тем не менее, около половины населения там составляли рабы. Этот товар пользовался спросом и на Святой Елене, хотя и не таким, как в Вест-Индии.

С предложением особых проблем тоже не возникало. Инфраструктура поставщиков к тому времени была налажена отменно. По оценкам специалистов, в частности Фернана

Броделя, в XVIII веке Черная Африка поставляла на побережье около 50 тыс. рабов в год. Цены на них в Новом Свете постоянно росли: если в 1663–1682 годы средняя цена одного невольника составляла 2,9 фунта стерлингов, то в 1733–1775 годах она подскочила до 15,4 фунта. Цена, запрашиваемая за рабов в Африке, тоже поднималась по мере роста спроса, но не столь стремительно. Работоторговля оставалась очень прибыльным делом, даже несмотря на высокую смертность невольников. В ряде статей, посвященных работоторговле, можно встретить утверждение, что рейс работоторговцев считался рентабельным, даже если из пяти захваченных в Африке невольников до Нового Света живым добирался только один. Но такие случаи, если и были, являлись, скорее, исключением. В среднем доля умерших невольников колебалась в пределах 10–16 % от общего количества перевозимых рабов. Разница между количеством вывезенных из Африки невольников и числом ввезенных в Новый Свет за весь период трансатлантической работоторговли оценивается приблизительно в 1,8 млн человек. Эти цифры достаточно страшны сами по себе, и нет никакой надобности их преувеличивать.

Следует заметить, что вплоть до середины XVIII века из Африки не вывозили женщин. В этом не видели необходимости. Рабы в Новом Свете не имели семьи и себя не воспроизводили. Нехватку рабочей силы восполняли исключительно за счет ввоза, так казалось удобнее. Однако представ-

ление о том, что в результате работорговли Черный континент обезлюдел, неверно. Такое случалось в отдельных районах в определенные периоды, но не в масштабах континента. Правда, мы не располагаем точными данными о численности африканского населения, скажем, в XIV веке, но демографы склоняются к тому, что, несмотря на гигантские кровопускания, сальдо оставалось положительным, хотя на росте населения этот бизнес безусловно сказывался. По оценкам А. Мэддисона, в период между 1500-м и 1820 годом население Черной Африки росло в среднем на 0,15 % в год, в то время как население Западной Европы ежегодно увеличивалось на 0,26 %, а Азии – на 0,29 %.

В XVII–XVIII веках работорговля была в Англии вполне респектабельным бизнесом, пользующимся поддержкой государства. В 1660 году указом только что вернувшего себе отцовский престол короля Карла II была учреждена Королевская африканская компания, или, как она изначально называлась, Компания королевских предпринимателей, торгующих с Африкой. Естественно, торговали в основном рабами, ну и немного золотом с гвинейских приисков, но рабы приносили большой доход. Компания просуществовала до 1752 года, но прекращение ее существования отнюдь не означало конец английской работорговли.

В 1713 году после победы Англии в Войне за Испанское наследство был заключен англо-испанский договор, согласно которому Англия получала монополию на ввоз африкан-

цев в испанские колонии. Правда, с 1772 года возник запрет на использование рабского труда в пределах метрополии, но это ни в коем случае не ставило под сомнение правомерность института рабства вообще. Государственный акт 1788 года, регулирующий работоторговлю, предусматривал перевозку на одном корабле более четырехсот невольников на продажу. Возмущенные голоса, клеймящие этот бесчеловечный бизнес, раздавались и тогда, но на протяжении всего XVIII века их как-то не очень слышали. Как говорится, понятно, что дело недоброе, но деньги-то, деньги какие!

В начале XIX века положение резко меняется. Голоса противников рабства не просто раздаются чаще, они становятся гораздо слышнее. Хотелось бы верить, что причиной тому был нравственный прогресс человечества, но, увы, в этом возникают серьезные сомнения. Похоже, дело заключалось все в той же конъюнктуре рынка. Рабочую силу выгодно покупать вместе с ее носителями, пока рынок еще не очень развит и не знает кризисов перепроизводства. Рынок стремительно расширяется, спрос растет, одна забота – чтобы работники не разбежались.

Но к концу XVIII века многие экономические ниши, прежде казавшиеся бездонными, заполнились. Предприниматели стали толкаться локтями и не понаслышке познакомились с таким явлением, как кризис перепроизводства. Теперь уменьшение себестоимости продукции стало не просто желательным, а жизненно необходимым. Тогда-то и пришло

понимание, что покупка работников со всеми потрохами — не самый выгодный способ вести хозяйство. Куда предпочтительнее иметь вольнонаемных рабочих, опираясь на резервную армию безработных. Их не нужно кормить в том случае, если возникает необходимость срочно свернуть переставшее быть рентабельным производство. На этом меркантильном фоне разговоры об аморальности рабства казались гораздо уместнее, чем раньше.

Любопытно, что в это же время в России набирает силу движение против крепостничества. На протяжении XVIII века оно, как и африканская работорговля, было вполне рентабельным и способствовало бурному развитию товарного производства как в области сельского хозяйства, так и в промышленности, но в XIX столетии превратилось в фактор торможения. Наиболее четко эта мысль проводится лифляндским помещиком Меркелем, приславшим свою работу в Вольное экономическое общество в 1812 году. Кроме обычных доводов, что наемный работник более старателен, так как, чтобы «всегда иметь работу и получать за нее хорошую плату, будет работать так хорошо и скоро, как только сможет», Меркель приводит и такой аргумент: «Обработка земель собственными крестьянами не обходится помещику без всякой платы, ибо он за то доставляет им все содержание через отведенную им землю, которую они обрабатывают руками, помещику принадлежащими». Автор этих строк был не слишком похож на бескорыстного радетеля за

народное счастье, однако, как видим, стоял за отмену крепостного права.

Как раз в то же время, когда представители российской политической верхушки начинают задумываться над тем, не является ли крепостное право пороховым погребом под государством, английское правительство приходит к мысли, что ему необходимо возглавить борьбу с работорговлей. В 1807 году британским подданным запретили заниматься вывозом африканских рабов на продажу. В 1815-м на Венском конгрессе Англия выступила с предложением международного запрета на этот вид предпринимательской деятельности. Инициативу «британского льва» горячо поддержала Россия. Три года спустя она выступила как организатор международной морской полиции для отлова работорговцев.

Участники Венского конгресса приняли предложение Англии, и лихие капитаны, гонявшие через Атлантику корабли с битком набитыми трюмами, оказались вне закона. Однако речь шла исключительно о вывозе рабов из Африки. Внутреннюю работорговлю в колониях и тем более сам институт рабства никто не отменял. Аналогично в России в этот период никто не отменял крепостного права, но уже в царствование Александра I (то есть до 1825 года) были предприняты шаги к будущему упразднению этого института (закон о свободных землепашцах, освобождение крестьян в ряде губерний и т. д.).

Экономическая целесообразность рабовладения окончательно отпала в Британской Вест-Индии в 30-е годы XIX столетия, и тогда же это положение вещей было закреплено законодательно. На местных плантациях теперь трудились вольнонаемные рабочие, причем их этнический состав был очень пестрым. Правда, условия «вольного найма» этих неграмотных людей иногда не слишком отличались от обычной работорговли. Впрочем, бывало по-разному. Южные американские штаты обеспечивали себя рабами за счет внутренних ресурсов, и такой вид предпринимательской деятельности, как разведение рабов на продажу, был здесь довольно обычным. Что до Латинской Америки, то здесь потребность ввоза африканских рабов была по-прежнему велика. Поэтому деятельность африканских работорговцев продолжалась нелегально, а естественным следствием запрета стало падение закупочных цен в Африке и головокружительный их взлет в Новом Свете, что увеличивало прибыли. Кроме того, рабов продолжали вывозить из Черной Африки на Восток и в Северную Африку. Одним из главных потребителей оставалась Османская империя. Несмотря на решение Венского конгресса, в XIX веке из Черной Африки было вывезено около 4 млн рабов, по некоторым данным, больше чем в XVII столетии, когда этот бизнес был легальным. Но английское правительство уже не имело к этому никакого отношения. Оно действительно добросовестно боролось с работорговлей, хотя кое-кто из подданных британской короны

и сетовал на упускаемые возможности. Эти недовольные не отличались дальновидностью. Выгоды были кратковременными и, в конечном счете, способствовали застою в экономике. Будущее явно было за вольнонаемным трудом, наиболее энергичная и перспективная часть нации это понимала и больше не видела смысла мारаться о работоторговлю. В населении Черной Африки теперь видели рынок вольнонаемной дешевой рабочей силы, а также потребителей европейских товаров. «На Конго живут сорок миллионов человек, и ткачи Манчестера только и ждут, чтобы одеть их. Плавильные печи Бирмингема рдеют раскаленным металлом, из которого можно сделать для них железную утварь и безделушки для украшения их темных тел, а посланники Христа жаждут обратить их, бедных темных язычников, в Христову веру» — такую речь произнес в 1884 году журналист и исследователь Африки Генри Мортон Стэнли перед Манчестерской торговой палатой.

О суданских работорговцах, махдистах и европейских колонизаторах

Отношения английского государства с африканской работорговлей во второй половине XIX века очень ярко иллюстрирует история Судана. К началу XIX столетия земли в верхнем течении Нила, к югу от Египта, составившие позже государство Судан, представляли собой совокупность княжеств и племенных территорий, обитатели большей части которых, частично исламизированные, в лучшем случае находились на стадии возникновения феодального строя. Два наиболее богатых суданских княжества – Сеннар и Дарфур, правда, вели довольно активную торговлю с северным соседом, Египтом. Из глубины континента они доставляли к берегам Средиземного и Красного морей слоновую кость, страусиные перья и черных рабов, которых либо добывали путем набегов на суданские деревни, либо забирали из этих деревень за долги, в соответствии с текущим политическим и экономическим моментом. Невольники составляли 20 % общей стоимости экспорта Сеннара и 67 % экспорта Дарфура. Это последнее княжество было расположено дальше от побережья и транспортных артерий (Белого и Голубого Нила) и вследствие этого более богато «охотничьими угодами».

В 1820–1822 годах суданские земли были захвачены египтянами. Формально Египет в то время был частью Османской империи, хотя и пользовался значительной автономией. Таким образом, и Судан превратился в одну из турецких колоний. Поначалу египетское (или турецкое) владычество не вызвало особого негодования. Многие укрепления добровольно сдались завоевателям, так как видели в них объединителей исламского мира против европейской угрозы. Многие африканцы были наслышаны о сравнительно недавнем французском походе в Египет, возглавленном генералом Бонапартом. Но вскоре выяснилось, что турецкая администрация хищнически грабит Судан, не оставляя ему средств для развития. Одной из примет времени стало разрушение существовавшей ранее оросительной системы. По свидетельству немецкого путешественника А. Э. Брема, на нильском острове Арго «до турок было до 1000 водочерпальных колес; теперь же в ходу едва четвертая часть их». Зато объемы работорговли после завоевания многократно возросли. Ранее в Египет из Судана доставляли около 10 тыс. невольников в год. В 1825 году их вывезли 40 тыс., а в 1839-м – в 5 раз больше. Такое «оживление» торговли приносило стране мало пользы, даже если позабыть о моральной стороне вопроса и рассматривать всю ситуацию экономически. Многие деревни обезлюдели, а вырученные за живой товар деньги все равно не оставались в Судане. Более того, путем налогов и конфискаций у населения очень быстро были изъяты веко-

вые запасы золота и серебра.

Если поначалу завоеватели почти не встречали в Судане серьезного сопротивления, то вскоре начались восстания. Надо сказать, что застрельщиком беспорядков далеко не всегда выступал обездоленный народ. Нередко начинали мутить воду местные олигархи от работорговли. Проблема раздела прибылей от этого весьма доходного бизнеса являлась центральной проблемой суданской политики. Довольно животрепещущим был вопрос о том, должна ли работорговля оставаться монополией государства или к этой отрасли экономики следует допустить частных предпринимателей. Не обошлось и без парадоксов. Ряд историков называли суданских политиков, ратовавших за демонополизацию работорговли, «либералами», а требовавших запретить этот почтенный бизнес – «консерваторами». И в этом есть своя логика: ведь первые пытались, пусть и опосредованно, интегрировать Судан в мировую капиталистическую экономику и добивались свободы предпринимательства, а вторые обращали свой взор назад – к родоплеменному укладу.

Образ новых властителей как защитников от засилья европейцев тоже не очень-то складывался. Во-первых, среди занимавших высшие административные должности «турок» на самом деле кого только не было. Были черкесы, албанцы, левантийцы, исламинизированные (и не очень) греки и славяне. Ко второй половине XIX века многие из них успели основательно вестернизироваться, и культурный разрыв

с африканскими мусульманами был изрядный. Во-вторых, именно при турках в верховья Нила в невиданном ранее количестве хлынули настоящие европейцы: англичане, немцы, французы, русские, поляки, итальянцы. Наряду с интенсивным ограблением Судана османо-египетский колониальный режим предпринимал слабые попытки его модернизации. В 1970-е годы на севере страны удалось построить железнодорожную ветку длиной 53 км и основать Нильское пароходство. На правительственную службу приглашали инженеров, офицеров, врачей. Немало было и авантюристов, искателей легкой наживы. Были и люди, стремившиеся проводить в Судане политику, выгодную их родной стране.

В 1869 году некто У. С. Бейкер первым из англичан получил звание паши и пост генерал-губернатора Экваториальной провинции Османской империи. Правда, эту провинцию ему еще предстояло завоевать и населяли ее в основном чернокожие народы, часто язычники, а не мусульмане. Но через несколько лет появилась целая группа христиан – губернаторов арабских и полуарабских областей.

В 1877-м англичанин Чарльз Гордон занял пост генерал-губернатора всего Египетского Судана. Он в свою очередь добивался назначения на высшие административные и военные должности европейцев, преимущественно англичан и шотландцев, на худой конец итальянцев, австрийцев и австрийских славян, но ни в коем случае не французов и американцев. Он не только не взял на службу никого из предста-

вителей этих наций, но и уволил некоторых, служивших тут ранее. Ведь Франция и Соединенные Штаты имели свои виды на Судан и могли оказаться соперниками Великобритании. Все эти назначения давали повод говорить о «тирании неверных», которая распространялась на африканских мусульман через посредство турок. Вскоре после того, как Гордон стал генерал-губернатором, вспыхнуло восстание, которое можно было бы назвать национально-освободительным, если бы не одна пикантная деталь, о которой будет рассказано ниже.

Во второй половине 70-х годов XIX столетия Османское государство было сильно ослаблено. В 1875–1876 годах туркам не удалось захватить Эфиопию. Не последнюю роль в этом сыграла и Русско-турецкая война (1877–1878), потребовавшая напряжения всех сил дряхлеющей исламской империи. Все это заставляло ее искать могущественных союзников, которые имели возможность диктовать свои условия. В 1877-м Турция заключила с Великобританией конвенцию о борьбе с работорговлей в Судане, осуществление которой было возложено на Гордона. Предпринимаемые им меры и стали главной причиной того, что юго-запад Судана «восстал в огне». Как уже говорилось ранее, торговля невольниками была основой экономики этого района. Безусловно, в мятеж были под разными предлогами вовлечены всевозможные сырые и убогие, но возглавил его крупнейший олигарх-работорговец Сулейман вад аз-Зубейр. Между прочим, он опи-

рался на вооруженные отряды, сформированные из его собственных рабов. Это не так уж и удивительно. Предназначенный для личного пользования, а не для дальнейшей перепродажи, невольник могущественного господина – это был определенный социальный статус, не самый худший из возможных в Судане. А что с ними будет после освобождения, никто толком не представлял.

Сперва Сулейману вад аз-Зубейру удалось одержать победу, но затем, по приказу Гордона, была установлена строжайшая экономическая блокада юго-западных областей, и к июлю 1878 года восстание попросту задохнулось. Аз-Зубейр и еще девять вождей сдались на милость победителя, но были расстреляны. В том же месяце Гордон был отозван с поста генерал-губернатора и направлен специальным послом в Эфиопию. Его место занял суданский араб Мухаммед Рауф.

Однако, как показали дальнейшие события, волнения конца 1870-х были лишь цветочками. К сожалению, страшась потерять работу работоторговцы были далеко не единственными недовольными в Судане. В начале 80-х процесс брожения продолжался. Теперь он принял еще и религиозный характер. В августе 1881-го прозвучала первая публичная проповедь Махди (мусульманского мессии).

Человек, назвавший себя так, прежде носил имя Мухаммед Ахмед. Он принадлежал к семье, происходившей, как полагали, от ближайших родственников пророка Мухаммеда. Несмотря на это, отец и братья будущего мессии зара-

батывали себе на жизнь вполне светским ремеслом – строили лодки. Лишь Мухаммед Ахмед, единственный в семье, пожелал стать законоучителем и получить соответствующее образование. Его карьера на этом поприще была довольно успешной, и к 1881 году он имел немало учеников. Когда Мухаммед Ахмед впервые назвал себя Махди, ему было 37 лет. После нескольких лет путешествий он обосновался на острове Аба на Белом Ниле и разослал своим последователям письма, в которых призывал совершить сюда паломничество. На Абе собралось множество народу, и Махди призывал их к джихаду, священной войне против неверных.

Надо сказать, что идеология махдистов (как стали называть приверженцев мессии европейцы) несколько отличалась от ислама времен пророка Мухаммеда, что легко объяснить текущим политическим моментом. Согласно классической доктрине, мусульмане должны вести джихад прежде всего против язычников. Христиане же и евреи считались «людьми писания», и в их отношении был допустим компромисс. В Судане конца XIX века все вышло наоборот. В число «неверных», против которых был направлен непримиримый джихад, попали не только христиане и евреи, но и турки, которых Махди называл «мусульманами лишь по имени». В то же время языческие племена Южного Судана были естественными союзниками махдистов и зачастую последние довольно терпимо относились к идолопоклонству первых.

Ирония ситуации заключается в том, что проповедь Мах-

ди упала на почву, взрыхленную ужасами работорговли, которые стараниями Гордона и ему подобных уже начали отходить в прошлое. По сути, негодование махдистов было направлено не против нынешнего, а против предыдущего режима. Но сторонники нового пророка были не в состоянии понять такие различия. Доведенные до отчаяния, они попросту не доверяли всем чужакам без разбора. А чужаки, в свою очередь, не слишком заботились о том, чтоб их поняли правильно. Они боролись с работорговлей в своих собственных интересах, считая, что поддержка местного населения им не так уж и нужна, и недооценили суданцев. А те взяли и решили, что не позволят кому попало себя освобождать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.